НА СПИДОМЕТРЕ — XXI ВЕК

БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 46 НОЯБРЬ 1985

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

7 НОЯБРЯ 1985 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (3043)

9—16 НОЯБРЯ

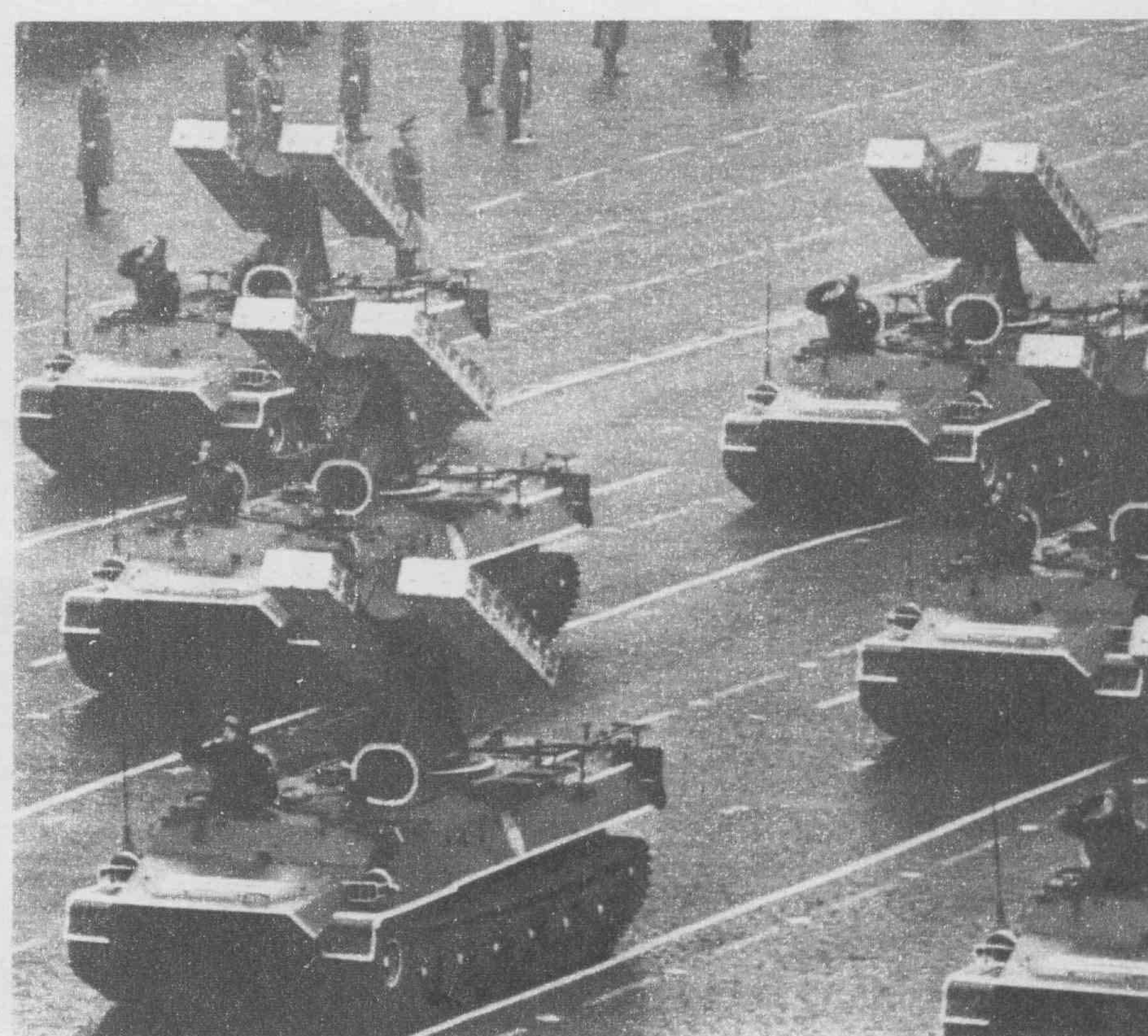

МОСКВА, КРАСНАЯ
7 НОЯБРЯ 1985 ГОДА

ПЛОЩАДЬ,

Фоторепортаж с Красной площади вели Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН, А. ГОСТЕВ, А. НАГРАЛЬЯН.

Москва, Кремлевский Дворец съездов. 6 ноября 1985 года. Торжественное заседание, посвященное 68-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото А. ГОСТЕВА

ВЕЧНО ЖИВОЙ ИЛЬИЧ

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ В МОСКВЕ

5 ноября в Москве состоялся массовый митинг, посвященный торжественному открытию памятника Владимиру Ильичу Ленину на Октябрьской площади столицы.

На трибуну поднимаются товарищи М. С. Горбачев, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, Н. В. Талызин, Б. Н. Ельцин, Л. Н. Зайков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, К. В. Русаков.

Митинг открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС М. С. Горбачев разрезает красную ленту.

На митинге выступили строгальщик завода «Красный пролетарий» Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР И. И. Мальцев, член КПСС с 1917 года, участник штурма Зимнего дворца К. П. Синозерский, студентка педагогического института имени В. И. Ленина, ленинский стипендиат Л. А. Королева.

Памятник сооружен по проекту скульпторов Л. Е. Кербеля и В. А. Федорова, архитекторов Г. В. Макаревича и А. Б. Самсонова.

На снимках: во время торжественного открытия памятника В. И. Ленину. Фото А. Гостева

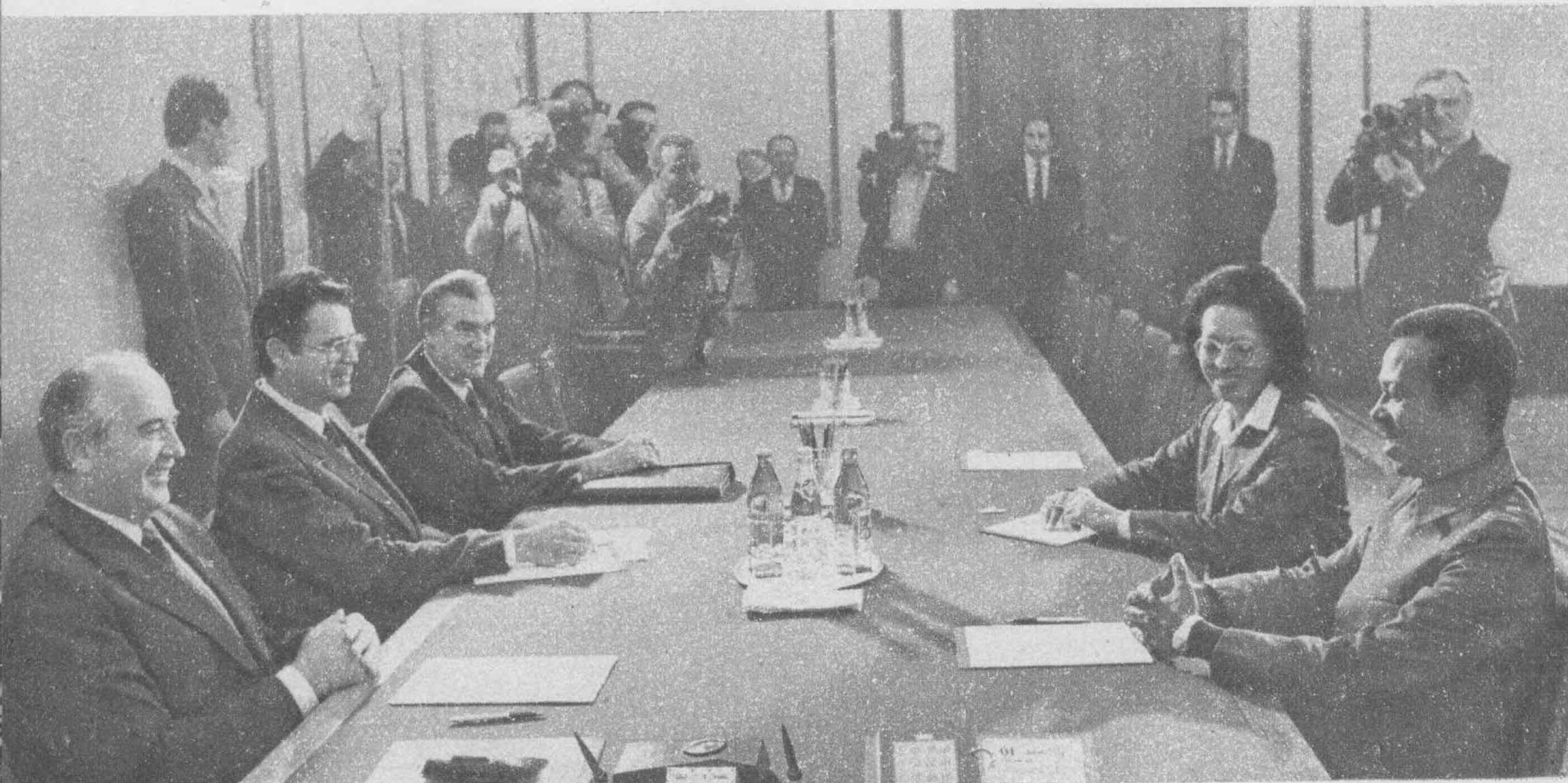

Во время переговоров.

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ РАБОЧИМ ВИЗИТОМ

Во время беседы. Фото ТАСС

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 31 октября в Москву с дружественным рабочим визитом прибыл Генеральный секретарь ЦК Рабочей партии Эфиопии, Председатель Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариам.

На Внуковском аэродроме его приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

1 ноября в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК Рабочей партии Эфиопии, Председателем Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом.

В них приняли участие:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР С. Л. Соколов, посол СССР в Социалистической Эфиопии Г. Н. Андреев;

с эфиопской — член Политбюро ЦК РПЭ, заместитель председателя национального комитета по централизованному планированию Аддис Тедла, секретарь ЦК РПЭ, заведующий Международным отделом ЦК РПЭ Ашагре Йиглету, член ЦК РПЭ, министр шахт и энергетики Тенезе-Шоа Айтенфису, член ЦК РПЭ, министр иностранных дел Гошу Вольде, член ЦК РПЭ, министр внешней торговли Волле Чекол.

Переговоры прошли в атмосфере дружбы и сердечности, единства взглядов и взаимопонимания, характерных для отношений КПСС и РПЭ, Советского Союза и Социалистической Эфиопии.

1 ноября состоялась беседа М. С. Горбачева с Менгисту Хайле Мариамом, в ходе которой было продолжено обсуждение ряда вопросов советско-эфиопских отношений и проблем современного международного положения.

Беседа прошла в сердечной, товарищеской обстановке.

2 ноября Генеральный секретарь ЦК Рабочей партии Эфиопии, Председатель Временного военного административного совета Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариам посетил Мавзолей В. И. Ленина и возложил венок. Венок был возложен также к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

31 октября член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко принял в Кремле видного государственного и общественного деятеля, министра поселений Республики Филиппины, губернатора Большой Манилы, почетного президента общества дружбы «Филиппины — СССР» Имельду Ромуальдес Маркос, находившуюся в Советском Союзе в качестве гостьи Президиума Верховного Совета СССР, и сопровождающих ее лиц.

В ходе беседы, прошедшей в дружественной обстановке, были обсуждены вопросы советско-филиппинских отношений, а также некоторые международные проблемы. Участники встречи высказали удовлетворение успешным развитием за последние годы двустороннего сотрудничества и отметили, что имеются широкие возможности для его расширения и углубления.

В этот же день Имельду Р. Маркос приняли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе.

В беседе имел место обмен мнениями по актуальным международным проблемам, а также вопросам двусторонних отношений.

Э. А. Шеварднадзе и И. Р. Маркос подписали программу культурных обменов между Советским Союзом и Республикой Филиппины на 1985—1986 годы.

Вечером Имельда Р. Маркос отбыла из Советского Союза.

Перед началом беседы. Фото ТАСС

Обсуждаем проект новой редакции Программы КПСС

НАМ ПРИНИМАТЬ, НАМ ВЫПОЛНЯТЬ

Проект Программы КПСС, обращая наш взгляд в завтра, утверждает: «Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении».

Размышляя над этими словами, мы все четче представляем огромный мобилизующий смысл Программы. Она дает сжатые, но исчерпывающе ясные теоретические положения и тут же переводит их в плоскость практических задач, решение которых приведет к построению коммунистического общества.

Какая гигантская, какая ответственная и какая интересная предстоит работа! Мы, собственно, приступили к ней давно, однако продвижение к цели требует от каждого из нас все большей и большей ответственности, мобилизованности и подготовленности, потому что каждый новый этап сложнее предыдущего: все строже экзаменует нас научно-технический прогресс, все разветвленнее и поэтому чувствительнее экономические связи, все разностороннее и притязательнее человеческие потребности. Программа КПСС ориентирует нас на повышение роли человеческого фактора, с которым связывает успешное решение намеченных задач.

Мы, производственники, хорошо понимаем, что общественная жизнь и экономическое развитие государства теснейшим образом связаны. Вот почему в разделе «Экономическая стратегия партии» с особым удовлетворением принимаешь требование: «...переориентировать каждое предприятие, каждую отрасль на полное и первоочередное использование качественных факторов экономического роста».

Легкая промышленность Белорусской ССР в одиннадцатой пятилетке работает в условиях экономического эксперимента. И мы убедились, как много дает возможность использовать качественные факторы экономического роста. Я имею в виду и качественный фактор труда, и качественный фактор социальных проблем, решение которых столь же важно, как и решение проблем, скажем, технического перевооружения предприятий.

Фабрика «КИМ» стала лучше работать. По темпам роста производительности труда мы выполнили пятилетнее задание еще в 1984 году, по объему производства выполним к 1 декабря нынешнего года, справляемся со всеми планами поставок; сверх заданий пятилетки дадим продукции не менее чем на 9 миллионов рублей. Радующие итоги! А еще радостнее то, что лучше стало качество продукции предприятия, ее охотно покупают, спрашивают в магазинах. Если ее нет, торговля обращается к нам с дополнительными заявками. Значит, мы удовлетворяем растущие запросы, то есть делаем главное — трудимся в интересах народа.

Бесспорно, прогрессивным считаем то, что новые условия работы, предусмотренные экспериментом, позволяют полнее удовлетворять материальную заинтересованность членов производственного коллектива в результатах труда. Я имею в виду, в частности, фонды, образующиеся в результате успешной экономической деятельности. Они позволили нам, например, сделать надбавки от 12 до 24 процентов к заработкам рабочих, занятых в основном на трудоемких операциях. Такие надбавки получили более трехсот производственников. Надбавки распространяются и на инженерно-технический персонал.

Большие перспективы сулит записанное в проекте Программы КПСС положение о последовательном осуществлении ленинских принципов управления, и прежде всего принципа демократического централизма, «выражающего единство обоих его начал — как повышение эффективности централизованного руководства, так и значительное расширение хозяйственной самостоятельности и ответственности объединений и предприятий». Хозяйственная самостоятельность и ответственность — стимулы, гарантирующие поиск и ввод в действие огромных не использованных до сих пор резервов. Особенно при условии, которое тоже предусмотрено Программой. «Должен быть обеспечен переход,— сказано в том же разделе,— к экономике высшей организации и эффективности со всесторонне развитыми производительными силами, зрелыми социалистическими производственными отношениями, хорошо отлаженным хозяйственным механизмом».

Промышленность остро нуждается в хорошо отлаженном хозяйственном механизме. Ведь мы никак не можем избавиться от всякого рода неувязок, сбоев. И происходят они чаще всего из-за того, что в каких-то звеньях не отлажен хозяйственный механизм. Взять хотя бы такое звено, как изучение покупательского спроса. Казалось бы, пора уже было научиться получать своевременно объективную картину для организации выпуска изделий. У предприятия здесь, не в оправдание будь сказано, возможности ограничены. А торговля...

В прошлом году на ярмарке у нас просили в основном детские колготки 22-го размера. Наладили мы их производство. В нынешнем году вдруг извещают: конъюнктура изменилась, дайте 12, 13, 14 и 16-й размеры. Для нас перестроиться — проблема. Надо менять оборудование. А это не всегда возможно. Фонды предприятие имеет, а приобрести необходимое оборудование часто сложно. Уйма претензий у нас к машиностроителям. Чересчур медленно идут они к тому рубежу, который определен Программой КПСС: «...выпускать системы и комплексы машин, оборудования и приборов высшего технико-экономического уровня, обеспечивающие революционные перемены в технологии и организации производства, многократное повышение производительности труда, снижение материалоемкости и энергоемкости, улучшение качества продукции, рост фондоотдачи».

Трудно сейчас найти нужную машину. На фабрике не хватает рабочих рук, как бы кстати пришлись высокопроизводительные автоматы для пошива тех же колготок или высокопроизводительные цепочки швейных машин, основные средства малой механизации для пошива бельевых изделий.

Нужны манипуляторы для съема мужских носков с формовочно-отделочных машин, а они пока что экспериментируются. Ничего не предлагают машиностроители для механизации ручного труда большой армии работниц — подборщиц пары чулочно-носочных изделий и для контроля качества готовых швейных изделий. То, что предлагают машиностроители, лучше не брать.

А время не ждет. Всем нам надо настроиться на деловое и всестороннее обсуждение проекта Программы КПСС. Нам принимать его, нам выполнять.

А. СЕВАСТЬЯНОВА,
директор Витебской ордена Ленина чулочно-трикотажной фабрики имени «КИМ»

РАСТУТ ЭТАЖИ

С огромным интересом на нашей стройке в центре столицы Узбекистана читали проект Программы Коммунистической партии Советского Союза. Мы внимательно ознакомились со всеми разделами, но особенно отметили те строки документа, где говорится о задачах в области капитального строительства, решении жилищных проблем, роли трудовых коллективов.

Нам это очень близко и понятно. Мы не первый год возводим жилые дома, уникальные объекты. Практически наш трест «Высотстрой» и создал неповторимый архитектурный облик Ташкента. Вот и сегодня наша бригада трудится на строительстве еще одного оригинального по архитектуре жилого комплекса «Дружба» по улице Пушкинской.

«Дружба» — название комплекса неслучайное. Первые четыре 20-этажных дома, объединенные трехэтажной пристройкой, мы возвели совместно с московскими строителями.

Дела на стройке идут неплохо. Дом номер три монтирует бригада коммуниста О. Киршенмана. Ребята подбираются уже к девятому этажу. Наша бригада во главе с коммунистом Г. Кощеевым монтирует каркас пятого этажа соседнего дома.

Долгое время я сам возглавлял бригаду. Ушел на пенсию, но дома усидеть не смог. Вернулся в родной коллектив. А недавно перешел в отстающую бригаду. Знал, что мой опыт пригодится. Так оно и вышло. Недавно наша бригада и коллектив О. Киршенмана выполнили план одиннадцатой пятилетки.

Есть в проекте новой редакции Программы КПСС слова, касающиеся решения жилищной проблемы: «Особое внимание будет уделено качеству жилищного строительства, повышению комфортности, улучшению планировки, совершенствованию технического оснащения квартир и домов».

Качество — это не только отделка квартиры и дома. В первую очередь оно рождается в процессе монтажа здания. Наши коллективы это понимают и прилагают все усилия, чтобы жители Ташкента получили отличные квартиры.

Хамид КАРАБАЕВ,
помощник бригадира СУ-17 треста № 11 «Высотстроя» Главташкентстроя, Герой Социалистического Труда

Левицкий

Александр БАСМАНОВ

Внешний облик Левицкого, с его чуть желчным и страстным лицом, мы можем видеть трижды. Сначала на небольшом овале автопортрета, где он в цвете молодости, в трехчетвертном экспрессивном повороте, с горделивым и устремленным слегка вверх и вдаль мечтательным взором; потом на портрете, подписанном Боровиковским: в волосах уже седина, губы разомкнуты, с них вот-вот слетит слово, взгляд хоть и широк, но напряжен и страдателен, локоть оперся на толстую книгу; и, наконец, в третий раз, с холста его ученика Яковлева старик Левицкий смотрит успокоенно, внимательно, вопрошающе. Он в академическом мундире, опять с книгой, на столе заляпанная палитра и очки, дряхлое тело подается в кресле вперед, будто хочет подняться, но руки лежат на коленях совершенно расслабленными — крупные, натруженные и усталые, с грубоватыми пальцами, какие могли бы быть у крестьянина или ремесленника.

В чем оказалась миссия этого человека? В том, что он явил собой пример живописца редкого дара, главное же, что стал зеркалом, мимо которого прошли действующие лица целой эпохи. Созидание России в лицах (философов, сильных мира сего, купцов и промышленников, военных, дипломатов, царедворцев, писателей и музыкантов, просто жуиров, светских львов и львиц); умные, глупые, чувственные, холодные, злые, добрые лица так называемого галантного века — нелегкий труд, который и подарил ему эти замечательные творческие руки.

О частной жизни надворного советника и советника при императорской Академии художеств Левицкого мы знаем очень мало, будто годы умышленно отвергли его биографию как ненужный балласт: слишком не гармонировала суровая, бескрасочная повседневность, казенная служба и в определенном смысле общественная униженность с необыкновенным, блистательным, нарядным искусством; в архивах, из деловых и эпистолярных бумаг, реестров и меморий проступает всего только абрис судьбы: годы надежд и юности, благополучия, моды и славы, годы полунищеты, академические дрязги, нравственные искания в масонстве и резкий разрыв с масонством, духовное воспарение, одиночество и смерть.

Самая ранняя из известных его работ — портрет пудреного, очень красивого в благородстве черт Голицына, написанный в двадцать семь лет, в 1762 году. Рисунок тут безупречен, а колорит представляет истинное величие кисти, «прекрасный кусок живописи»: красный кафтан не чисто-красный, в нем есть желтизна, золото кресла и рукоятка шпаги не вульгарно горят — лишь аккомпанируют позолоте стола, вбирая в себя влажную оливковость фона, который переливается в кружево манжет, гасит румянец лица и накрывает тяжелой, почти сплошной тенью левую щеку изображенного человека.

Самая, как считается, поздняя работа отмечена в «Санкт-Петербургских ведомостях», через два года после смерти художника: «Продается картина работы Левицкаго, представляющая Иоанна Крестителя. Видеть оную и о цене узнать можно на Вас. острове, по Кадетской линии, в доме Левицкой, под № 105, у хозяйки». Между этими двумя краями, Голицыным и Иоанном Крестителем, сохранилось около двухсот портретов — цифра, однако, далеко не полная, ибо многое безвозвратно утрачено.

Теперь, на расстоянии двух веков, контур художнических свойств Левицкого виден абсолютно ясно: он был мастером серьезным и вдумчивым, как бы сполна отдающим свое душевное тепло, но, кроме того,— очень схватывающим характер, правдивым и редко когда льстящим — свойства только истинного и крупного таланта. Изящество и проникновение в образ модели и в образ эпохи — вот еще безусловные его черты; как метко определил Грабарь: «В передаче интимного, неуловимого очарования лица, не блещущего красотой, не выделяющегося оригинальностью, в изображении простого, среднего, незаметного лица — соперников он не знал».

Род Левицких был с Малороссии, старинный поповский род, замыкаемый как раз отцом портретиста, лишь формально носившим рясу: гравер и иконописец, он адресовал свое дело и подмастерью-сыну. Есть рядом, в начале пути, и второе имя — прекрасного мастера Антропова, посланного как раз в те годы в Киев расписывать Андреевский собор, гениальную постройку гениального Растрелли.

Почему и как — неизвестно, известно только: Антропов принял Левицкого-меньшого в свою артель. Обратите внимание на замечательное расчисление светил, на редкостное соединение благостных фактов в судьбе молодого таланта: воспитание в семье образованного и крепкого художника, учеба на гравера, требующая исключительно верного глаза и твердой руки, исключительного чувства линии, учеба на иконописца, то есть освоение национальных традиций, книжных знаний и душевного равновесия в работе, встреча с гением Растрелли и, наконец, дуэт с реалистом Антроповым.

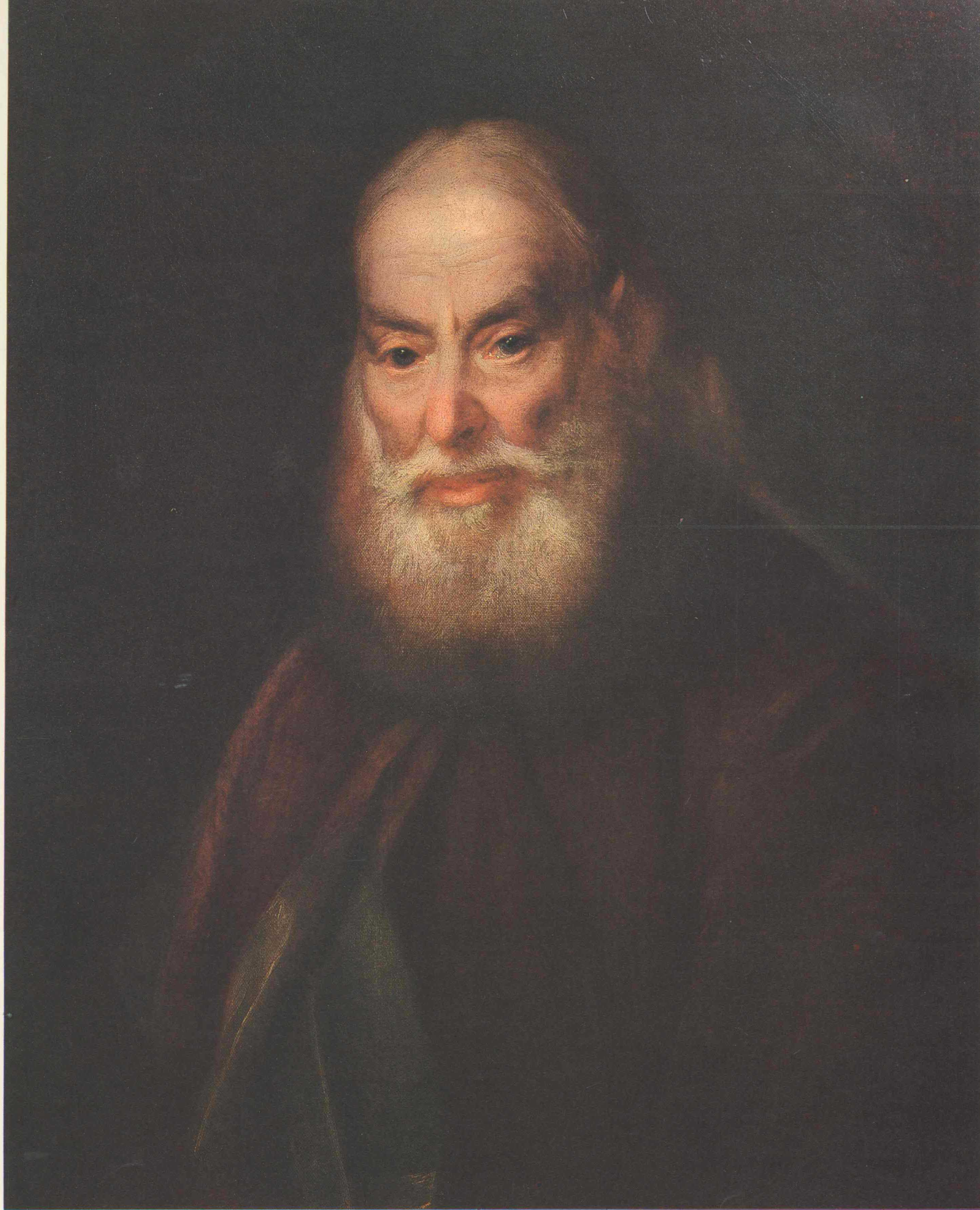
К тому и время для расцвета искусств было на редкость теплое: тут и строительство грандиозных дворцов, тут и удачный выбор приглашенных иностранцев, давших новейшие образцы западной школы, тут в целом изумительно красочная пестрота в эстетике и вместе здоровье, прямота духа, то самое здоровье, что (по слову Бенуа) и породило наших Левицкого и Рокотова, художников, «отличающихся моментом колоссального в искусстве значения — жизненностью».

«Эпох Елисавет» определил жестко и его будущую ступень в обществе. Где и как жил Левицкий? В сиянии бриллиантов, среди тех, кто правил державой, и в том — сильный психологический диссонанс: с одной стороны, знать была художническим материалом, не больше, с другой — зависимость от «материала», от знати, положение по отношению к ней мало отличалось от зависимости и положения часовщика или хорошего повара.

На превращение Левицкого в выдающегося портретиста ушло десять лет после переезда его в столицу,— годы, начиная с 1758-го, в которые смотрел за ним все тот же Антропов, «человек, имевший зуб против Академии и очень недовольный даже частными уроками у профессоров. Поэтому и эти уроки начались только когда ученик личными заказами стал на ноги и перестал зависеть от учителя. Антропов был добрый человек, но изрядный самодур, и быть под его ферулою было нелегко»,— указывал один из старинных исследователей.

Итак, мастерство отполировалось окончательно все же у академистов — итальянца Валериани и француза Лагренэ, и в 1770 году, вместе с золотой академической медалью, пришла полная слава — за портрет Кокоринова, и тут не обойтись без нескольких слов об этом человеке. В те лета он фактически возглавлял Академию художеств — лучшие, известно, для XVIII века, «шуваловские» лета: чистейший вкус и поистине артистический дар сочетались у Кокоринова с широтою взглядов и классической образованностью, но был этот человек в своем роде белой вороною, еретиком, кладя без остатка все силы на довольно странное по тем временам предприятие: отказ от «галлицизмов», пестование именно русской живописи и именно русских талантов,— Левицкий среди тех, кто вырастал под его крылом.

Портрет был представлен на академическую выставку и среди знаменитостей (Гроот, Лосенко) безоговорочно взял первое место как лучшая картина в смысле совершенства формы и как «высокая» — в смысле своей духовной наполненности: человек с мужественным и спокойным лицом, в роскошном кафтане, подбитом норкою, в парике и при шпаге, с непринужденной легкостью оперся на спинку массивного кресла; он смотрит ласково и мечтательно, простодушно и устало, чуть усмехаясь. Сколько оттенков мысли, чувств в твоем умном и светлом образе, Кокоринов! Знаешь ли ты, «профессорал архитектурии», славный зодчий, указующий сей миг на завитой пергаментный лист со своим детищем — проектом здания Академии художеств, знаешь ли ты,

Д. Левицкий. 1735—1822. ПОРТРЕТ СТАРИКА. 1779. Государственная Третьяковская галерея.

Д. Левицкий. ПОРТРЕТ УРСУЛЫ МНИШЕК. 1782.

Государственная Третьяковская галерея.

что вскоре промозглой мартовской ночью повесишься на его сырых, еще пахнущих смолою стропилах, затравленный невзлюбившим тебя всесильным Бецким, и жена твоя чуть не будет просить подаяния?

Все совершенство будущего Левицкого в инерции от силы этого портрета, оно напитано его мелодикой, его характеристическими и живописными достижениями, угадывает ли он душу и темперамент, играет ли напряженностью линии, передает ли конструкцию тела, свет и свечение. Так в сиянии мощнейшего дебюта прибавляется к Кокоринову шедевр за шедевром.

Сперва портрет «личности прелюбопытной», чудака российского размаха, филантропа и ботаника, румяного старика Демидова, в пустынной торжественной зале стоящего в рост, по-домашнему, в ночном колпаке и алом шлафроке, со своими забавами — лейкою и цветочными горшками, в виду Воспитательного дома, на который отказал он ни больше ни меньше — полтора миллиона золотом.

Затем взошло и созвездие «смольнянок», где развернул Левицкий во всю ширь уже не только дарование психолога, но и декоративиста— семь портретов, а вернее, аллегорических картин (Молчанова — наука, Борщова — театр, Алымова — музыка и т. д.), олицетворивших собой, в мнении знатоков, целиком XVIII век в «выдержанности всей системы». Имеется в виду, разумеется, система эстетическая; может ли художнику быть оценка выше?

Первые петербургские двадцать лет для Левицкого — непрерывное восхождение в творчестве, удачи по службе и денежные: за Кокоринова он академик, а вскоре и начальник портретного класса с достойным окладом; при этом, поспешая друг за другом, выходят из-под его кисти десятки портретов, всем известные теперь наши музейные ценности, издалека мерцающие в экспозициях своим янтарным отсветом. Отмечен был отсвет сразу же — признание редкостное, заказы бесперебойны: в мастерской до полста холстов в работе, да и сама мастерская весьма светла, в небольшом собственном доме, где живет он «содержательно и просто», в достатке, прекрасным семьянином. Проскользнула из толщи времени и весть о «веселой» наружности тогдашнего Левицкого — с элегантной муаровой лентой в косице, сухощавого, малого роста и резкого в движениях, востроносого, с живым блеском умных глаз.

Видимо, роль свою он осознавал весьма отчетливо. Его называют художником екатерининской поры — определение верное во всех отношениях: портрет для этой поры, что видно теперь весьма отчетливо,— важнейшее искусство. Как удачно заметил Дягилев: «Всякий портрет Левицкого больше похож, чем сама модель, то есть он говорит нам больше, чем лицо этой модели». О чем же? Конечно, о душе эпохи.

Современники отмечали роскошь академических коллекций и гулкость ее коридоров; они, эти коридоры, слышали стук каблуков профессора Левицкого от парадных дверей до дверей классной, и так каждое утро в течение тридцати лет.

Академия художеств была неотделимой частью огромного дворцового механизма, но жесткость казенного режима приносила плоды отменной выучки — все, прошедшие ее школу, делались профессионалами высшей пробы, то есть живописцы умели писать, архитекторы — строить, а скульпторы — ваять.

В Академии Левицкий вел портретный курс, и с Академией связалась у него вся жизнь — клубок радостей, когда он чувствовал в учениках (среди них Боровиковский, Дрождин, Щукин) плоды своих стараний, и вместе ощущения некоторой неполноценности: жанр Левицкого считался искусством второго сорта, ибо не требовал «сочинения» (как, например, историческая живопись), и потому академические чиновники относились к художнику свысока и пренебрежительно: «Ничего не может быть горестнее, чем слышать от товарищей **он портретной»**. Предательское, хитрое время, вечно меняющее свои оценки, знало бы ты!

Из старых документов скупо выбиваются пунктирные черты пристрастий Левицкого, то, на что направлял он своих учеников,— они штудировали Ван Дейка и Рембрандта. Рембрандтовский свет сильно волновал Левицкого, и отблески тех красноватых зарниц пали на великолепный портрет старика, написанный им в 1779 году,— парафраз метода великого голландца при абсолютной верности своим основным принципам: русского художника и тут интересовал не têtes d'expression — старческий облик вообще, и не философические вселенские обобщения, но только изображаемый персонаж, повторенный в зримых приметах и характере, верно отлитый в верном портрете.

Впрочем, его старик — в полном одиночестве, совершенно особняком от остальной портретной вереницы. Она, вереница, вся моложе, действенней, инициативней в своем точном историческом контексте. Именно так держится в обоих изображениях близкий друг Левицкого, разносторонний Львов — «страстный почитатель гражданина женевского», архитектор, рисовальщик, поэт и музыкант, переводчик Анакреона; на первом — восторженным юношей, на втором — сдержанным, владеющим собой, как бы защищенным от внешних впечатлений, которые так живо волновали его в молодые годы.

Тут порывистость сменяется уверенной трезвостью, увлечения — поистине «леонардовыми» возможностями: «Мастер клавикордной просит его мнения на новую механику своего инструмента. Балетмейстер говорит с ним о живописном расположении групп своих. Там г-н Львов устраивает картинную галерею. Тут, на чугунном заводе, занимается он огненной машиной. Во многих местах возвышаются здания по его проектам». В спокойном достоинстве является нам и прелестная жена Львова — уверенная в себе и знающая свои обязанности хозяйка известного литературного салона, мать добропорядочного семейства, спутница и советчик влиятельнейшего и блестящего человека.

Были ли внешняя жизнь, поведение Левицкого столь же ярки, сколь оказалось ярким общество, в которое он входил в дому у Львовых и которое переписал все поочередно: литератора и управляющего «Зрелищами и музыкой» Храповицкого, милого Долгорукого — автора нашумевшего «Капища моего сердца», поэта Дмитриева, соединившего «с любящей душой ум острый и свободный»? Вряд ли. Вряд ли бытовой облик Левицкого соответствовал маэстрии его же творчества, так как знавшие этого человека отмечали стеснительность, а позже молчаливость и замкнутость.

Душа же тем временем кристаллизовала, гранила красоту чрезвычайно тонко — как и все портретисты XVIII века, Левицкий служил жрецом у алтаря вечной женской красоты. «Разве не поэт Левицкий? Какие и как у него переданы женщины!» — восклицал Константин Коровин. Согласимся, переданы пламенно и виртуозно: изумительная Урсула Мнишек — это серебро пудры и атласа, это прекрасное лицо с горящим румянцем, надменные дуги бровей и удивительные глаза, умные и глубокие, но не допускающие в душу. История Мнишек, племянницы польского короля Станислава, известна: отличавшаяся изрядными начитанностью и интеллектом, она увлекалась искусством и прекрасно рисовала, оставила весьма ироничные и полные великолепных портретных характеристик мемуары, где Екатерина II предстает «актеркою, ведущей свою ролю на театре»; мемуарами исследователи пользуются и по сей день.

И как антипод этой «хладной богини» — куртизанка и ласкательница, «первая певица оперы-буфф и вторая — серьезной оперы», итальянка Анна Давиа Бернуцци — вся тоном выше, с румянцем почти пурпурным, с бровями подчеркнуто черными, в ярко-лиловом, и даже мазок, легкий и мягкий у Мнишек, в портрете Давии становится резким, жестким, определенным, как бы подчеркивающим ее нарочитую красивость.

Князь Безбородко, канцлер, и граф Бецкой, президент Академии художеств,— вот главные заказчики Левицкого, к 1790-м годам необратимо начавшего терять популярность: зашатались стулья под покровителями. Безбородко проигрывает государственную силу Потемкину, с порфироносных высот подул на престарелого и уже ненужного Бецкого прохладный ветер, определяется «дело» масона Николая Новикова, чье имя неотделимо от имени Левицкого потому хотя бы, что сама внешность издателя «Трутня» знакома именно по его портрету. С той поры Левицкий тоже в немилости, и действительно: «какая польза иметь у себя великих художников, есть ли в важных случаях министерство всегда полагаться будет на малого таланта и знания людей»,— заметил по этому поводу острослов Голицын. Угадать нетрудно: в такие моменты меняется ритм сердца, меняется взгляд на мир.

«Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия отличали ярко их от поколения, которому они принадлежали»,— скажет Пушкин, успевший еще застать кое-кого из русских масонов-мартинистов.

Как оказался среди них Левицкий? Трудно сказать. Трудно и связать «странную смесь мистической набожности и философского вольнодумства» с его искусством — таким ясным, определенным, жизненным. Одни отнесут тот уход к печальной тяжести и нищете седых годов, а точнее, к дню, когда он вдруг порывает с Академией и остается с грошовой пенсией, обремененный семейством; другие свяжут уход с ослаблением таланта и наступавшей слепотой; третьи объяснят вообще результатом долгой, трудной и унизительной борьбы за существование. Так или иначе есть сцена, засвидетельствованная современниками: слепой старик, часами простаивающий на коленях в церкви Академии художеств.

Левицкий умер восьмидесяти семи лет, почти забытый как художник. Принятая в его отношении «формула заката» растянулась почти на четверть столетия: от начала 1800-х годов два портрета «королевы лото», камер-фрейлины Протасовой, калужские заводчики Билибины, портрет брата — вот, собственно, и все, на что осталась способна некогда плодовитая кисть.

Иссякала эпоха, умолкал и ее певец. Сотни картин написал он, и все — слепок времени, на всех люди XVIII столетия. Оно брезжит у него везде: в томном взоре Хованской, в напряжении губ и лба болезненно впечатлительного Дидро, в наивно-восторженных чертах Державина, в олицетворении высокомерной храбрости Ивана Рибопьера, сложившего голову под Измаилом, в божественном изяществе княгини Орловой, во внутренней опустошенности Фавста Макеровского: на фоне черного разорванного неба в маскарадном костюме стоит он как символ умирающего галантного века, обращая к нам свое фарфоровое лицо, свои обреченные страдальческие глаза.

Но не только век галантный показал нам Левицкий — еще и время, когда центростремительная сила России набирала свой ход: десятки имен, десятки образов — личности, осуществлявшие движения составов огромного государства. Вот они, в звездах и муаре, горделиво взирают на нас со своих холстов, обращенные из плоти и крови колдуном-художником в струящиеся прозрачные краски, отпечатленные в жесте и прищуре глаз — ласковых или жестоких, холодных или с тенью глубокой думы. Как о прошлом волнуется память, эта вечная ценность сознания, восстанавливающая полустертые связи и истлевшие страсти!

Левицкий питает память уверенно и сильно.

И еще: нельзя не обозначить то, что мы называем развитием творческого духа. Вместе с Рокотовым Левицкий — художник высочайшего класса, выводящий русское портретное искусство в Европу и мир,— завидная доля, великое назначение. Он не предтеча, а именно один из наших первых гениев портрета — именно отсюда, с конца «сурового и мудрого» века, идет дальше уже сплошная цепь: Кипренский, Брюллов, Крамской, Ге, Репин, Валентин Серов. Звено к звену нижутся эти имена в российской культуре, определяя собой чувство ее пути.

ВЕСЬ ПРИРОСТ ОБЪЕМА ПРОДУКЦИИ — БЕЗ УВЕЛИЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

КОГДА ЕДИНИЦА РАВНА СЕМЕРКЕ

ПОЧЕМУ ВЛАДИМИР КРИВОРУЧКО, ОСВОИВШИЙ НОВЕЙШУЮ ТЕХНОЛОГИЮ И ДАЮЩИЙ ПРОДУКЦИИ ЗА 18 ТОКАРЕЙ, ЗАРАБАТЫВАЕТ ВСЕ-ТАКИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ЛЮБОЙ ИЗ НИХ!

Ю. ЛУШИН,
специальный корреспондент «Огонька».
Фото автора

Бережливость: разные аспекты

Токарь-расточник высшего класса Владимир Криворучко пребывал в большой печали. Нет, своего мастерства он не утратил, детали из-под его резца по-прежнему выходили безупречные, да только скучно ему стало с некоторых пор, неинтересно стало работать. Он даже испугался: «Вдруг это навсегда?» Больше всего на свете он любил свою профессию...

«Это все та деталюка бисова с толку сбивает,— успокаивал он себя,— надо же придумать такую несуразицу, чтобы из заготовки весом в девять килограммов вытачивать килограммовую деталь. Остальное — в стружку...»

Заработок при этом, правда, не снижался, даже рос, и это обстоятельство почему-то особенно его задевало. Казалось ему, что деньги он задаром получает.

— Это сколько же полезных вещей из тех восьми килограммов металла мог бы я сделать? — сокрушался Криворучко, вставляя очередную заготовку в станок. Он, коммунист, председатель цеховой группы народного контроля, уже и тревожные «молнии» вывешивал на эту тему, и к начальству взывал, и на партийном собрании выступал. С ним соглашались, его даже поддерживали, но дело с мертвой точки не сдвигалось. Причина была проста, как гвоздь. Конструктор, по воле которого токарь Криворучко вытачивал из огромной болванки маленькую деталь, работал не в заводском цеху, а в НИИ. И хотя институт находился буквально в двух шагах, даже на самой территории завода, и составлял вместе с заводом научно-производственное объединение (НПО), интересы их часто не совпадали. Конструктора совсем не интересовало, что токарь Криворучко взял обязательство экономить металл. Его больше заботила надежность детали (вот почему часто конструировалась она с огромным запасом прочности, что влекло за собой повышенный расход материалов). Но дело-то они делали общее: один придумывал машину, другой воплощал его мысли в реальность. Поэтому Владимир Криворучко наивно удивлялся, почему бы конструктору не придумать деталь более экономичную в обработке. И в этой наивности таился, как оказалось, глубокий государственный смысл... Однажды, устав сражаться с нелепыми заготовками, Криворучко взял одну из них и водрузил на стол прямо посреди цеха. Рядом положил готовую деталь, кучу синеватых стружек и сопроводил этот натюрморт ехидным письмом к автору конструкции в духе послания запорожцев турецкому султану. Что тут началось! Через час весь цех сотрясался от хохота, через полтора начали приходить делегации из других цехов, через два прибежал сам автор, помидорно-красный от возбуждения.

— Будь ласка, Володя, закрывай свою выставку. Ну, что ты за нее думаешь? Что она, Третьяковка? Ведь у нас гости высокие на заводе, и директор сюда идет.

— Никак нельзя закрыть,— отвечает Криворучко,— а думаю я за восемь килограммов бесполезной стружки и спать из-за того не могу.

— Я подарю тебе сон, сделаю новые чертежи, чтобы без стружки, снимай выставку.

— Вот когда сделаешь, тогда и сниму. (И, между прочим, оба сдержали свое слово.)

А в цех уже входил генеральный директор объединения «Кислородмаш» Борис Евтихиевич Тринчук. Осмотрев необычные экспонаты, спросил не без сарказма:

— Дохозяйнувались, значит? Но ты молодец,— добавил он, обращаясь к Криворучко.— Мне кажется, что будет полезно, если вы, народные контролеры, сделаете такую выставку постоянной, а рядом с недостатками, недоработками покажете и наши достижения, чтобы другие о них тоже знали. Договорились?

Согласитесь, не каждый руководитель отважится выставить недостатки своего предприятия на всеобщее обозрение. Что это: безрассудная смелость? Или трезвый расчет? А может быть, просто тонкое понимание того, что мы называем теперь человеческим фактором? Тринчук — руководитель незаурядный. Талант инженера, талант ученого (он кандидат технических наук, автор нескольких разработок, внедренных в производство) счастливо соединился в нем со стратегическим мышлением администратора-хозяйственника. Он понимал, что экономить можно по-разному. Он хотел все инициативы, все принципы и ме-

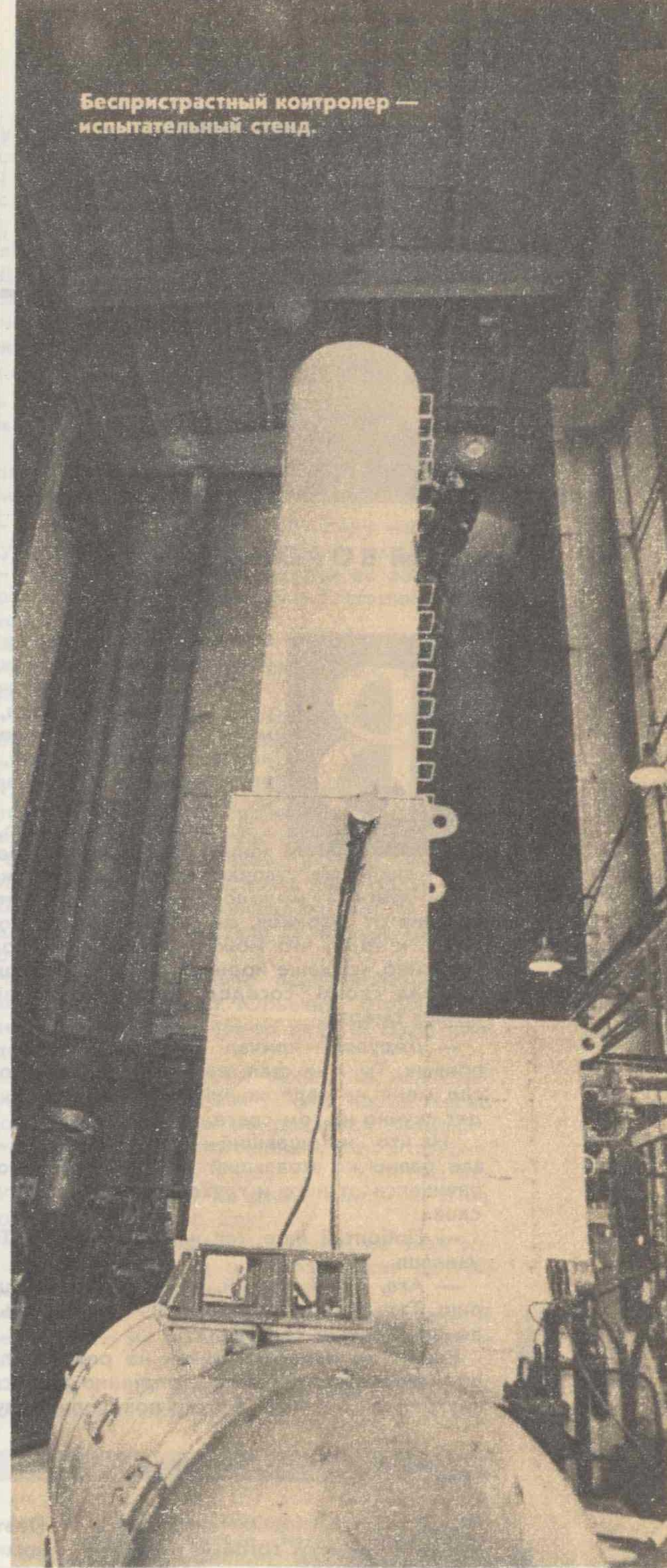
На все руки мастер. Владимир Криворучко — и высококлассный токарь, и квалифицированный кузнец-оператор.

ПРЕОДОЛЕ

Безотходная технология: заготовка одна, а деталей две.

В полном сборе призеры «Золотого резца»—лучшая бригада токарей Ивана Суховатого.

Беспристрастный контролер — испытательный стенд.

ТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ

тоды управления как производством, так и научно-техническими разработками свести в единую, целостную систему, четко ориентированную на эффективность производства. С одной стороны, НПО обещало в этом деле большое преимущество, поскольку в одних руках находились научно-технические разработки и их реализация. С другой стороны, возникали вроде бы непреодолимые барьеры, поскольку планирование, финансирование и стимулирование производства шли отдельно от науки: разные ведомства. Как объединить их интересы? Как заставить конструктора думать об экономии? Поэтому самодеятельная выставка токаря Владимира Криворучко даже обрадовала генерального директора. Она выставила конструктору двойку за его разработку, уязвила его самолюбие. Но человек-то он талантливый — значит, безусловно, постарается исправить дело. Чувствовал Тринчук: что-то в этом есть...

Выставка в цехе насосов продолжала действовать, пополняясь новыми экспонатами, и по мере исправления недостатков избавлялась от старых. Подобные же открылись и в других цехах. Кто называл их выставками бесхозяйственности, кто, наоборот, уголками бережливости. Дело не в названии, а в сути... Кстати, об НПО «Кислородмаш» я также узнал из еще более удивительной выставки, открытой в районном городке Обухове, что под Киевом. Я ходил по ее залам и с каждым шагом удивлялся все больше. Казалось, какой-то шутник принес сюда и разложил по полкам ржавые куски проката, рельсы, мятые листы жести, обрезки кожи, банки с остатками засохшей краски, кучи опилок, щепы и древесной коры, мотки проволоки, полимерной пленки и много чего еще. Казалось, тут открылся филиал городской свалки. Но для чего?

— Скажите, вы могли бы выбросить в утиль свой личный автомобиль, хотя и старый, но еще способный вас возить? — обратился ко мне с вопросом на вопрос мой гид Анатолий Николаевич Сочев, начальник управления Госснаба Украинской ССР по экономии и государственному контролю за использованием материальных ресурсов в народном хозяйстве.— Нет ведь? Так я и думал. А вот у нас находятся «хозяева», которые с щедростью мота могут отправить на свалку целый трактор (мотовство, разумеется, за счет государства). Вот этот «Владимирец» наши контролеры обнаружили в куче металлолома. Там же трактор завели, и он поехал и работал еще два года. И этот готовый к употреблению прокат, и рельсы тоже оттуда выудили. А целую бухту кабеля и медной проволоки нашли на городской свалке... Банки из-под краски видите? Вместе с ними на Кременчугском автозаводе выбрасывается каждый год четвертая часть получаемых эмалей, а это сотни тонн. Их ведь можно развести и использовать... Зато на сахарные заводы, например, Кировоградской области, наоборот, ввозится вместе с корнями свеклы целый миллион тонн первоклассного чернозема. Лучше бы он остался на полях... Два завода в Крыму — содовый и бромный — порознь отправляли отходы производства в канализацию, но если эти отходы соединить вместе, то получится чистый гипс (теперь для его производства строится рядом завод)...

— Теперь понимаю,— сказал я,— тут наглядно показано, как не надо хозяйствовать.

— Правильно,— согласился Сочев,— но это лишь полдела. На нашей выставке, организованной, кстати, три года тому назад Госснабом республики, гораздо больше примеров того, как надо хозяйствовать, как надо внедрять безотходную технологию, как находить и использовать скрытые резервы производства. Вот посмотрите, например...

Я подошел к стенду и остановился, изумленный. То, о чем там сообщалось, было настолько неправдоподобно, что я отказывался верить: одесское научно-производственное объединение «Кислородмаш» за десять лет почти вдвое увеличило объем продукции, но при этом расход металла не только не вырос, но даже несколько уменьшился.

— Невероятно! — воскликнул я.— Не из воздуха же они стали свои агрегаты делать?

— А вы поезжайте в Одессу, на месте и разберитесь, из чего,— улыбнулся Сочев.

...Хожу по цехам объединения, смотрю, как ведется наладка станков с числовым программным управлением, как сварку ведут автоматы, как на испытательном стенде монтируют новую установ-

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

РАССКАЗ

Последняя ночь

Сергей ВОРОНИН

Владимир Юрьевич был неизлечимо болен. Он знал об этом, но, как и всякий живущий человек, не верил, что может умереть, и надеялся на то, что поправится, что это другие могут умереть, но только не он.

В палате, кроме него, лежали еще трое. Двое из них — такие же старики, под семьдесят, как и он, и третий — молодой, лет тридцати пяти; в отличие от стариков, он, как ни странно, относился к тому, что может умереть, не только спокойно, но даже иронически. И все подшучивал над своим соседом, особенно страшившимся смерти.

— Дедуля! — кричал он.— Я к тебе уже привык. Ты мне стал, как родной. Так что после меня не задерживайся. Мне без тебя будет скучно на том свете.

На что истощавший — кожа да кости,— но все равно не желавший умирать старик отворачивался от него и глухо бросал через плечо слова:

— Поболтай еще, так напишу жалобу. Тогда узнаешь.

— Ага, давай, давай, в небесную канцелярию. Там быстро разберутся! — оживляясь, отвечал парень и хохотал.

Владимир Юрьевич никак не реагировал на происходящее. Он сосредоточенно жил своей внутренней жизнью. Его не покидали мрачные мысли. «Неужели конец? Неужели вот так все и уйдет от меня? Или, вернее, я уйду, а все так и останется?» И вот эта мысль была особенно больна и обидна. Думая о себе, он невольно перебирал в памяти пережитое, прожитое. Вспоминал, что немало получил хорошего от жизни, хотя не всегда был и добр по отношению к людям. Особенно к женщинам. Когда-то давным-давно был женат. Но развелся. Жена не позволяла жить так, как ему хотелось. Хотелось же свободы в своих поступках, независимости. «Разве не это главное в жизни?» — думалось тогда.

По профессии он был художник-реставратор. Работал быстро и хорошо. Поэтому у него всегда были деньги. Лежало подходяще в сберкассе на всякий черный день. Остальные же заработанные он щедро тратил на антиквар для своей квартиры, модную одежду и заграничную технику, не жалел денег и на новые записи. Часто посещая комиссионки, он легко завязывал знакомства с продавщицами, и, если встречались хорошенькие, приглашал к себе домой послушать поп-музыку. Комнаты у него были увешаны дорогими коврами, в сервантах и «стенках» сверкали хрустали, на полочках всякие дорогие безделушки. И бар с коньяком и легкими винами. И холодильник с хорошей закуской. Все это не могло не впечатлять случайную гостью. К тому же он жаловался на одиночество. Он никогда не был настойчив и груб, и это располагало к нему. И постепенно у той или иной гостьи складывалось убеждение, что Владимир Юрьевич действительно одинок и, несмотря на такую роскошь, даже несчастен и, кто знает, может, здесь ее судьба? И получалось как-то так, что она начинала повиноваться ему, и спустя некоторое время он уже командовал, когда ей надо приходить, когда не надо. А спустя еще какое-то время сообщал о том, что уезжает в длительную командировку реставрировать фрески старинного собора. Но куда, не говорил. И отключал телефон, будто бы его и дома нет. В то время как сам он звонил другой, и та приходила. И так они сменялись, как времена года. Он умел расставаться, не наживая себе неприятностей.

Ему было уже за пятьдесят, когда возникло некоторое осложнение. Двадцатилетняя студентка института физкультуры влюбилась в него. Как это могло получиться, чтобы такая молодая в такого для нее старого? Ну, видимо, получилось так, что не просто отдалась, как это случается у некоторых девчат, а влюбилась со всем пылом молодости, увлеченности, перешедшими в привязанность, в постоянные думы о нем.

— Ну что ты, я стар. Куда я тебе? — вразумляюще говорил он, хотя это и льстило ему. Еще бы, такая молоденькая — и влюбилась!..

— Нет-нет, не говори так! Я люблю тебя! — говорила она.— Я буду самая счастливая!

— Нет, это невозможно!— отговаривал он, и на самом деле не допуская и мысли, чтобы жениться на ней.— Ты только подумай, я старше тебя на тридцать лет.

— Ну и что? Зачем ты так говоришь? Ты же так раньше не говорил. Ну ладно, не обязательно расписываться. Я согласна жить у тебя так!

— Вот и хорошо, если так. Только не надо у меня. Я старый холостяк, у меня свои привычки. Лучше будет так, как у нас сейчас. Ты приходишь, и я с радостью тебя встречаю. Разве это плохо?

— Я буду уважать твои привычки. Буду делать все, что только ты пожелаешь!

— Нет-нет... Я когда-то был женат и знаю, что такое семейные узы. Как только мы поженимся, то вскоре же и охладеем друг к другу. Верь моему опыту. А я не хочу к тебе остывать.

— Мои папа с мамой живут двадцать пять лет, и видел бы ты, как они любят друг друга. Я сегодня же скажу им, что люблю тебя и стану твоей женой.

— Ни в коем случае! — вскричал он.— Ты

ку, как роботы подают заготовки в станки и снимают готовые изделия в точном соответствии с заданным ритмом... Ловлю себя на мысли, что подобное видел и на других предприятиях, но ни одно из них не получало весь прирост продукции за счет сэкономленного металла, как это делает одесский «Кислородмаш» на протяжении вот уже десяти лет. При этом численность работающих здесь не увеличилась ни на одного человека. Когда же я узнал, что для НПО характерно мелкосерийное производство, то поразился еще больше. Казалось, сами жизненные обстоятельства усложняли объединению проблему экономии ресурсов, а оно каким-то образом успешно преодолевало все барьеры. К тому же продукция выпускается здесь сложнейшая: турбодетандерные агрегаты с высокими скоростями вращения — 200 тысяч оборотов ротора в минуту, воздухоразделительные установки, оборудование для хранения и транспортировки сжиженных газов, насосы для перекачивания криогенных жидкостей, установки для очистки гелия на атомных станциях... Понятно, что в таких ответственных по назначению агрегатах применяются высококачественные цветные и черные металлы, дорогие химические материалы и комплектующие. Поэтому более половины общих затрат занимают расходы на материалы, и легко сообразить, что снижение этих расходов — один из основных (если не самый главный) факторов повышения эффективности производства... Все это популярно излагал мне секретарь парткома объединения Владимир Васильевич Давиденко, пока мы шли к заводскому музею.

— Там вы увидите одну штучку и все поймете без лишних слов...

Строго говоря, штучек оказалось две, а не одна. На стенде лежали модели детандеров (установки для сжижения газа): ранее выпускавшийся поршневой детандер весом в 2125 килограммов, а рядом — заменивший его турбодетандер, превосходивший прежний по производительности, но весивший всего 300 килограммов.

— Выходит, что из одного старого можно сделать семь новых агрегатов! — воскликнул я. — Заслуга конструкторов?

— Конечно,— подтвердил Давиденко,— и это только один из множества подобных примеров...

Действительно, ясно без лишних слов, что такого экономического эффекта традиционными способами не добиться. Нужно было совершить переворот в сознании конструкторов и технологов, чтобы уже на стадии проектирования они думали не только о том, как сделать агрегат надежнее, но и как сделать его дешевле. Впрочем, эта идея давно носилась в воздухе. Не случайно она почти одновременно явилась и рабочему Криворучко, своей самодеятельной выставкой заставившего конструктора выступить в роли экономиста, и генеральному директору Тринчуку, увидевшему за этой частной инициативой путь к целой системе управления материальными ресурсами (СУМР).

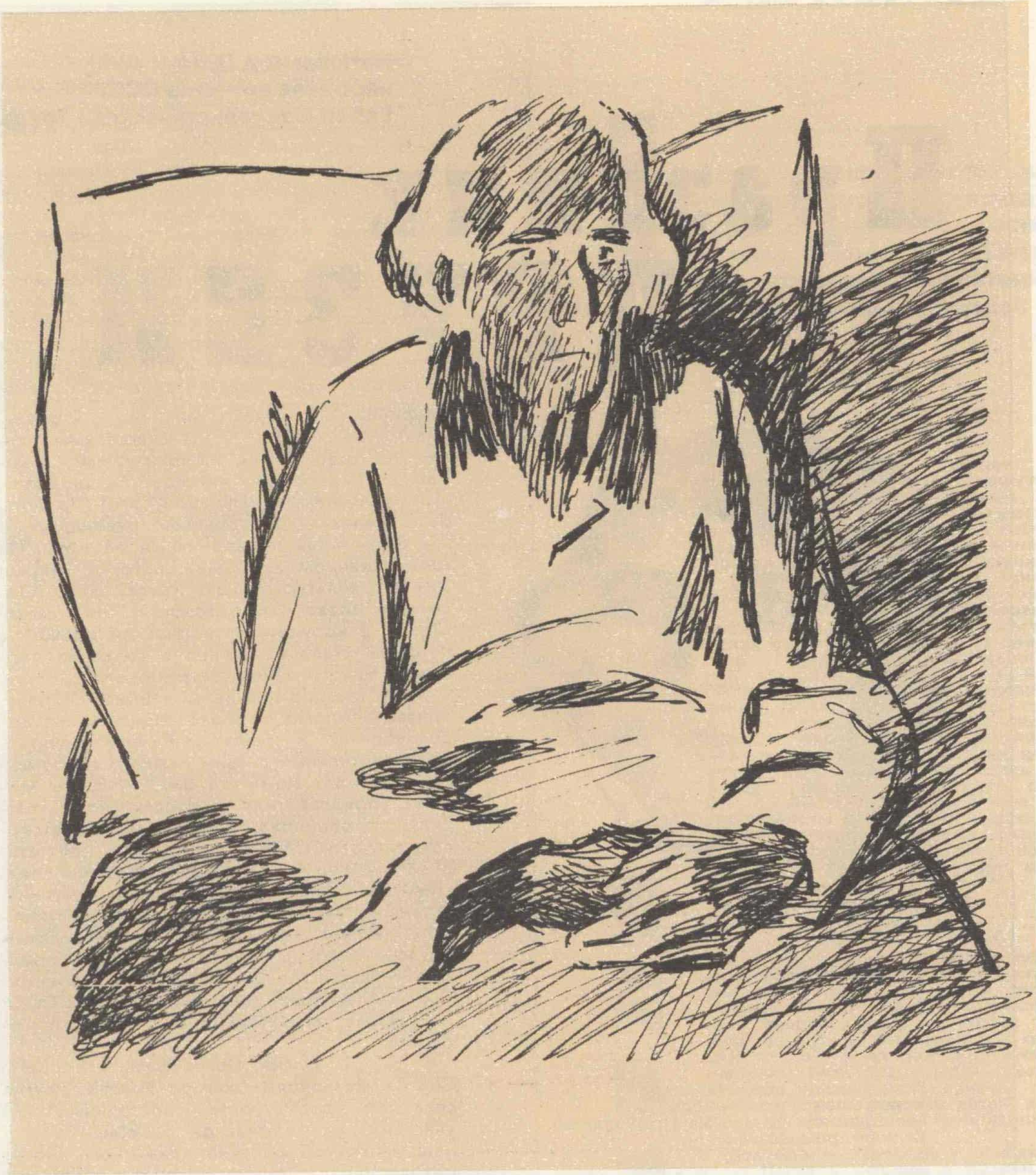
— Первым шагом к системе,— говорил Давиденко,—стала инициатива партийной группы заготовительного цеха—именно через него проходит основной объем потребляемого в объединении металла. Здесь развернулось социалистическое соревнование под девизом: «Обеспечить весь прирост объема продукции НПО без увеличения материальных ресурсов». Инициативу подхватили все цеха, все участки объединения...

Я был невольным свидетелем того, как конструктор пришел в отдел материально-технического снабжения советоваться: тот ли профиль проката он выбрал для новой машины? Есть ли он в наличии или дефицитен? Сколько стоит? Удивительно! Раньше конструкторы снисходили до общения со снабженцами лишь при выяснении взаимных претензий. Одни отвергали предлагаемые им профили проката, утверждая, что использовать их невозможно, что это все равно, как если бы брюки 60-го размера перелицовывать на мини-юбку. Другие сетовали, что инженеры, словно дети, жизни не знают, от реальности далеки, если пытаются заказать такие редкие марки металла...

— Да, теперь все по-другому,— рассказывал генеральный директор НПО Борис Евтихиевич Тринчук,— в нашей СУМР предусмотрена ответственность работников снабжения за соответствие получаемых ими материалов размеру заготовок. Но гораздо важнее другое: конструкторы стали предлагать принципиально новые разработки, сулившие колоссальную экономию и в материалах, и в трудозатратах... Анализ показал, что семьдесят процентов снижения трудоемкости и девяносто пять процентов снижения металлоемкости мы получили именно за счет конструкторских и технологических решений. Однако система не стала бы системой, если бы не вовлекла все без исключения подразделения предприятия, если бы не дошла буквально до каждого рабочего.

— А что же остается на долю рабочего? Какова его роль?

— Рабочий теперь становится не просто слепым исполнителем, а очень часто соавтором инженерных решений. Мы создали более семидесяти творческих бригад, в которых рабочие наряду с инже-

подумала, что может сказать твой отец обо мне, когда узнает, что твой женишок старше его!

— А что молодые? Пьют, хамят. А ты нежный, культурный. Мне никого не надо, кроме тебя!

«Да это же сумасшествие! — подумал тогда в тревоге Владимир Юрьевич.— Нет-нет, надо кончать с этой дурочкой. Непременно, и как можно скорее!»

И он уехал срочно «в командировку». То есть отключил телефон на две недели. Думал, Эмма поостынет. Но когда после двухнедельной разлуки встретились, то она была еще неистовей. Плакала, рыдала, твердила, что жить не может без него.

— Я не уйду! Не уйду! Вот сяду на пол и буду сидеть до тех пор, пока не умру!

— Ну что тебе я? Что? — тряся ее за плечи, говорил Владимир Юрьевич. — Я старик, понимаешь ли ты, что я старик!

Нет, она не понимала.

«Надо же, как привязалась»,— с досадой тогда подумал он.

— Слушай, если не хочешь меня потерять, то будь благоразумна. И никаких истерик! Иначе все!

— Это ты мне так говоришь? Мне? — Она подняла к нему свое зареванное лицо. — Ты, который говорил, что любишь меня! — И тут же стала бить себя кулаками в грудь.— Ну что я могу с собой сделать, если так люблю тебя! Люблю! Люблю! Понимаешь, люблю!

Валялась в ногах, хватала за колени, целовала руки.

«Черт возьми, какая-то психопатка,— в панике думал Владимир Юрьевич, отрывая ее руки от себя.— Надо что-то делать! Надо что-то делать!»

На этот раз он решил уехать «в командировку» на месяц. Но как только через месяц включил телефон, тут же раздался звонок.

— Да-а...— протяжно произнес он в трубку.

— Ты приехал? Как я рада! Я сейчас же бегу к тебе. Ты скучал? Ты думал обо мне? Я не находила себе места!.. Еду!

Она радовалась, рвалась к нему, не зная того, что за этот месяц он «обзавелся» другой и что Эмма ему совсем не нужна.

— Нет-нет, я через пять минут уезжаю. Я приехал всего на полчаса, за инструментами и кистями.

— Тогда я тебя провожу на поезд. Ты с какого вокзала уезжаешь?

нерами выступают полноправными создателями новых конструкций, могут вносить в них и вносят всевозможные усовершенствования. Такой синтез производственного опыта, инженерного расчета и научной мысли оказался весьма плодотворным. А создание новых технологий вообще невозможно без мыслящей, творческой личности рабочего. Тут просто исполнителем быть мало. Например, поперечно-клиновую прокатку, давшую практически безотходную технологию с экономическим эффектом в сотни тысяч рублей, мы бы не сумели внедрить без рабочего Криворучко, без его таланта, энергии, смекалки, опыта, интуиции и золотых рук.

— Это что — однофамилец того токаря, который организовал выставку?

— Нет, это он сам и есть — Владимир Федорович Криворучко. Только теперь он кузнец-оператор, а не токарь...

В моем понимании кузнечное дело всегда ассоциировалось со снопами искр, с копотью, гарью и грохотом молота. Однако на участке поперечно-клиновой прокатки ничего такого и в помине не было. Стояло несколько металлических шкафов с электронным оборудованием. Отсюда подавались команды к невзрачному на вид агрегату, из которого с равномерным интервалом сыпались в ящик готовые детали. Где-то там, внутри агрегата, заготовки из цветного металла в считанные секунды раскалялись докрасна токами высокой частоты, а затем приобретали с помощью прокатки нужную форму, подчас очень сложную. Все происходило автоматически. Здесь кузнец Криворучко мог бы работать в белых перчатках и смокинге.

— Как все просто! — вырвалось у меня.

— Сам удивляюсь,— отшутился Владимир Федорович.

— В чем же суть этой технологии?

— А вот смотрите.— Криворучко положил на ладонь заготовку, на другую — две детали. Пояснил:— Когда я был токарем, то вытачивал из такой же заготовки одну деталь, иначе не получалось, и половина металла шла в отходы. Здесь я прокатываю две детали, причем класс точности выше, чем после токарной обработки, и главное — никаких отходов.

— Трудно давалось внедрение?

— Не то слово. Иногда все бросить хотелось: то детали к станку прикипали, впивались, то вместо нужной формы блин какой-то получался, то заготовки летели не туда, куда нужно. Заработок упал, стал я получать тарифную ставку, словно новичок. Жена ворчит, обратно в токари гонит. Не поверите — валидол стал в кармане носить, ночами вскакивал, чтобы идеи какие-то записать и утром их проверить на практике. Поддерживали меня Юрий Николаевич Машнев, руководитель научно-исследовательской лаборатории безотходной технологии, и наш технолог Михаил Карпович Коломийчук. Крепко поддерживали и помогали. Да и самого забрало всерьез: неужели, думаю, не получится? Внедрение — ведь это что? Преодоление сопротивления. Вот я и преодолевал — обстоятельства, себя, неверие товарищей, недостаток опыта в этом новом деле. Преодолел. Зато теперь я один заменяю восемнадцать токарей, да при этом еще высвободились от низкопроизводительной механической обработки девять станков...

И снова хожу по цехам объединения, окунаюсь в их слаженный ритм, и уже здороваются со мной тут и там — намелькался за неделю. Оттого чувствую я себя здесь своим, и проблемы НПО стали моими. У меня, например, в голове не укладывается, почему тот же Владимир Криворучко, освоивший новейшую технологию и дающий продукции за 18 токарей, зарабатывает все-таки меньше, чем любой из них? По той же причине не идут на станки с числовым программным управлением асы токарного дела, не идут, по сути, в завтрашний день. Впрочем, эта проблема не только одного «Кислородмаша», и ее надо как-то решать, но пока что руководители предприятий лишены самостоятельности в этом вопросе... Хожу по цехам. Они старой постройки, темные и тесные — нужна реконструкция, поскольку движение вперед неостановимо, а в НПО, я твердо знаю, достигнутым не удовлетворяются. Но и в этих нелегких условиях «Кислородмаш» продолжает оставаться флагманом научно-технической мысли, передовой технологии и организации труда в своей отрасли, да и не только в своей. НПО «Кислородмаш» удостоился редкой международной премии «Золотой Меркурий» — «за существенный вклад в развитие национальной экономики и международных экономических отношений»...

Послушаем резюме кандидата экономических наук С. Н. Полевого, ученого секретаря программы «Ресурсы-90».

— Успешная реализация программы «Металл-85» сберегла государству более пятидесяти тысяч тонн металла, и это при условии, что объем производства вырос. От новой программы «Ресурсы-90» ожидаем еще большего эффекта, ведь она комплексная. А главное, совет программы, в который входят директора крупнейших предприятий, советские и партийные руководители, крупные ученые и экономисты, способен вполне успешно разрешать всевозможные вневедомственные проблемы...

Мне очень хотелось услышать эти слова, и я их услышал. На этой оптимистической ноте и закончу.

Одесса.

— Я плохо слышу тебя,— ответил он, хотя слышал отлично.

— Я говорю, с какого вокзала ты уезжаешь? — кричала в трубку Эмма.

— Не слышу! Не слышу! — кричал он в ответ.

— Подожди меня, не уезжай!

— Слышу тебя, но машина уже стоит. Я опаздываю. Как приеду, позвоню! — И в изнеможении бросал трубку. «Черт бы ее побрал. Как привязалась!» — только и подумал он тогда.

Теперь, лежа в больнице, вспомнил, как расстался с ней. Да, вот так, постепенно отлучая от себя. Все «в командировках» да в разъездах, а на самом деле дома, с отключенным телефоном для нее и других, а для себя с односторонним выходом в город, когда ему нужно было позвонить. Случалось, Эмма приходила к его квартире, видимо, уже догадываясь, что он избегает ее. На мелодичный звон в квартире Владимир Юрьевич осторожно подкрадывался в мягких шлепанцах и припадал к «глазку». Видел ее, нервно сжимающую кулаки, нетерпеливо, с тревожной надеждой ожидающую вопроса: «Кто там?» Но он молчал. Она звонила еще и еще, уже понимая: то ли его нет дома, то ли если и есть, то дверь не откроет,— и уходила поникшая, со слезами на глазах.

Перебирая в памяти — зачем и для чего — все, что было связано у него с женщинами в жизни — а их перебывало в его алькове немало,— Владимир Юрьевич понимал, что думать бы об этом не следовало. Но какая-то необъяснимая сила заставляла его вспоминать именно тех, кого он обидел. Да, вольно или невольно обидел. Жалел ли он их? Нет. Как правило, испытывал только чувство облегчения, расставаясь с наиболее доверившимися. Но ведь он никому ничего не обещал. Просто окружал себя «красивой» жизнью, и если это нравилось им, то он охотно делился с ними. Тихая, чувственная музыка, располагающая к интиму. Уединенность, приносящая уверенность и ему, и ей, что никто ничего не узнает. Вино, фрукты и еще кое-какие журналы, возбуждающие нездоровый интерес.

Журналы он бросал небрежно — хочешь, смотри, не хочешь, как хочешь. Некоторые с отвращением отбрасывали, иные смущенно рассматривали непристойные картинки. Он делал вид, что ничего не замечает... Развращал ли? Это от них зависело. «Не маленькие,— так думал он,— порченое яблоко не испортишь». Да, но вот Эмма...

В палате было душно. Сосед слева все что-то бормотал. И от этого было особенно тревожно. Казалось, старик уже в каком-то ином, возможно, в предсмертном мире. Надо бы позвать дежурного врача или няню, но Владимиру Юрьевичу было уже только до самого себя. Все эти воспоминания, хотя и шли они сплошной лентой, как в кино, заставляя думать, осуждать себя, сожалеть, все же не отвлекали от того, что творилось в нем самом. От той сосущей, тоскующей боли, которая все сильнее охватывала его сердце.

Во время утреннего обхода профессор успокоил его, сказав, что излечение идет нормально. Но вот именно тогда и появилась сначала слабая, а потом все более тоскующая боль в сердце. Он сказал об этом, и ему сделали укол. Потом еще укол. Но легче не стало.

...Все душнее становилось в палате. Все тревожнее бормотал сосед, выбираясь из какого-то своего далека в настоящую жизнь. Он задыхался. Позвать бы дежурную сестру. Но зачем? Пусть умрет, если умирает. Все лучшее в прошлом. Впереди ничего нет. Так что незачем и звать. Тем более тут свое: страшное, жестокое, неумолимое... Тоска... Какая тоска! И вдруг осколочно, глубоко не задев, но все же царапнув, пронеслась мысль: «Кому же достанется все то, что есть в квартире, весь этот набор антиквара, дорогой техники, изысканного убранства?» И снова почему-то возникла в памяти Эмма.

Дышать стало еще труднее. Внезапно пустота окружила его, и в этой пустоте редко и четко, как метрономом, ударяло сердце. Но каждый удар не приносил облегчения. Боль все сильнее охватывала его, и хотелось уже только тишины.

Но ее не было.

Наталия САЦ,
народная артистка СССР,
Герой Социалистического Труда

Праздник друзей

Мила Мелланова.

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора,
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Когда мы с Алексеем Бородиным после хмурых московских дней прилетели в Прагу, эти строчки Тютчева ожили в нашей памяти. Красно-зеленые листья утопали среди золотисто-желтых, они блестели в лучах солнца, и невольно хотелось сказать: «Злата Прага, вечно дорога ты людям своими вздымающимися к небу строениями с готически острыми шпилями, собором святого Вита, завораживающим своими лепными фигурами и изумляющим красочностью витражей...». Нет, нет, я не собираюсь писать очерк о Праге, хотя она, родная нам, достойна многотомных описаний.

В октябре этого года здесь торжественно было отпраздновано пятидесятилетие первого в Чехословакии театра юных зрителей имени Иржи Волькера. Уже подходя к зданию этого театра, мы ощутили, что он искренне любим детьми и подростками, которые запрудили весь переулок около входной двери. Их восторженный, эмоциональный настрой, стремление скорее приблизиться к заветным дверям, не допуская никакой толкучки, порадовали нас.

Войдя в здание театра, среди красивых плакатов и больших фотографий я увидела портрет основательницы этого театра, верной дочери чешского народа Милы Меллановой. «Смотрите, они и ваше фото повесили»,— улыбаясь, сказал мне главный режиссер Центрального детского театра Алексей Бородин. Меня это скорее смутило, чем обрадовало. Да, пятьдесят один год тому назад много месяцев Мила Мелланова жадно впитывала опыт первого музыкального театра для детей Москвы, ходила на все наши репетиции. Да, чешский театр был открыт моей и Сергея Розанова пьесой «Чернушка и опичка» («Негритенок и обезьяна»). Мы считали своим счастливым долгом помогать вновь нарождавшимся театрам для детей, но никогда не забывали, что первооткрывательницей этой работы была Великая Октябрьская революция, а мы были лишь проводниками ее идей. На торжественном заседании, которое открыл министр культуры Милан Клусак, ярко прозвучали слова благодарности Советскому Союзу, в нерушимой творческой дружбе с которым стало возможно и создание первого в Чехословакии театра юного зрителя, а затем театров для детей в Брно, Остраве, Трнаве — многих городах социалистической республики. Я была счастлива зачитать поздравительные письма первого секретаря Центрального Комитета ВЛКСМ В. М. Мишина, председателя Всероссийского театрального общества М. И. Царева, Советского центра АССИТЕЖ, с радостью констатировать, что на этот праздник приехали представители ГДР, Болгарии, Венгрии, Румынии, Франции, Финляндии... Наряду с Центральным детским театром и Ленинградским ТЮЗом особенно «мощным» было представительство Московского ТЮЗа (директор театра А. Андреев, народная артистка СССР Л. Князева, народный артист РСФСР В. Горелов).

В театре имени Иржи Волькера пьесы Сергея Михалкова, Виктора Розова, других советских драматургов — постоянные соучастники их творческой работы, но и в наш репертуар чешские драматурги вносят ценный вклад. Один из примеров — замечательная сказка Й. Тыла «Волынщик из Стракониц», над которой работает Московский

Прага. Н. И. Сац с министром культуры Чешской Социалистической Республики М. Клусаком.

детский музыкальный театр. Московский ТЮЗ заключил договор с театром имени Иржи Волькера о систематическом обмене репертуаром, режиссерами, художниками. Мы счастливы, что театров для детей в мире становится все больше, что лучшие из них стали верными друзьями и советчиками юных зрителей. Театры эти требуют повседневного внимания и помощи, потому что увлеченное восприятие подлинно гуманного искусства — большая сила в воспитании тех, кому принадлежит будущее.

Работа в театре для детей — дело совсем нелегкое. Количественно они растут, но подлинных энтузиастов этого важнейшего творческого труда все еще недостаточно. Не секрет, что некоторые деятели приходят туда, чтобы попробовать свои силы, а потом, при первой возможности, переходят в театры для взрослых. Такие, увы, уже ушедшие из жизни, энтузиасты, как А. Брянцев, И. Деева, А. Соломарский, В. Сперантова, К. Коренева, М. Мелланова, достойны того, чтобы остаться незабываемыми. Потому хочется с большой радостью и уважением добавить к их числу пятьдесят лет бессменно работающего в театре имени Иржи Волькера Карела Рихтера. В труппе Милы Меллановой поначалу наряду с профессиональными артистами в спектаклях участвовали и талантливые дети. Особо обратила она внимание на артистическое дарование восьмилетнего Карела Рихтера. Несмотря на многочисленные приглашения из театров для взрослых, постоянный творческий рост, который широко отмечала пресса, Карел остался верен юным зрителям, а сейчас, в 58 лет, он артист и директор этого театра. Впрочем, этот красивый, подвижный, заражающий своею жизнерадостностью мужчина выглядит куда моложе своих лет. Секрет молодости — в постоянном творческом общении с молодежью, в той атмосфере взаимопонимания, которая царит в этом театре. Хочется горячо поблагодарить мэра города Праги, который устроил чудесный прием в честь награждения этого театра орденом Труда, работников столичного комитета партии и, конечно, министра культуры уважаемого товарища Милана Клусака за ту любовь и поддержку, которые они оказывают всему коллективу работников этого детского театра.

Наталья БУМАГИНА

Люди малого города

В редакцию приходят письма, в которых читатели просят рассказывать о малых городах страны. В частности, жительница поселка Кукмор, что в Татарии, Р. А. Ахатова предлагает конкретный адрес: город Вятские Поляны Кировской области.

Вятские Поляны — славное выбрано место для человеческого поселения на крутом взгорке над Вяткой. В конце XVI века здесь строится Рождественский монастырь. От той поры и отсчитывает года город с таким красивым названием. Правда, статус города он получил только в 1942 году. А до тех пор жил тихой, полудеревенской жизнью. В войну сюда из-под Москвы был эвакуирован машиностроительный завод. Разместились в цехах самого большого в то время здешнего предприятия — шпульно-катушечной фабрики. Делали всем известные пистолеты-пулеметы конструкции Шпагина — ППШ. И установилась тут жизнь другая. Завод строил для вновь прибывших рабочих жилье, кормил. И теперь он душа и сердце города, вся жизнь вокруг него. А выпускают здесь прицепы к мотоциклам. Современное предприятие, высококвалифицированные рабочие, специалисты из ведущих вузов... А городок по-прежнему невелик, окружен полями да лесами, на дачи пешком можно пройти. Об энергичных людях малого города наш рассказ.

* * *

Знакомьтесь, на последней обложке — фотографии молодых представителей известной в городе династии Матвеевых. Людмила, инженер-программист, с дочкой Машей, Вера, работник технической заводской библиотеки, с племянницей Аленой. У их ног крутится общий любимец Бим. Дед Андрей Евстратович Матвеев, коммунист, прибыл с семьей (а было у него шестеро детей) в Вятские Поляны вместе с эвакуированным предприятием.

Девушки — непоседы и заводилы.

— Когда я училась в Казани, в авиационном институте,— рассказывает Людмила,— занималась в группе спортивного танца. Но вот стала работать, вышла замуж, родилась Машуня. Поначалу физкультуру забросила, а потом хватилась: «Нет, так скисать нельзя». Задумала вовлечь в свои гимнастические занятия и других. Организовали группу аэробики. Сейчас у нас семьдесят человек. Мне, программисту, очень помогает такое переключение — от напряженной умственной работы к энергичным движениям под музыку. Да и все женщины, занимающиеся в нашей группе, прямо на глазах подтягиваются, молодеют.

Зашла речь о досуге в городе. Девушки наперебой рассказывали, что есть тут и цирковая студия, и вокально-инструментальный ансамбль, свой клуб выходного дня — семейные вылазки в лес, на речку без хмельного, и своя футбольная команда. Многие увлекаются лыжами, мотоспортом.

Вера, двоюродная сестра Людмилы, окончила Московский институт культуры, работает на заводе. Сейчас у нее особая забота — совет молодых специалистов.

— Что делает совет? — спрашиваю.

— Дел у него много, и разных. И обмен научной информацией, и с жильем помогают, и ребенка пристраивают в детский сад, не даем быту заедать молодые семьи. Да просто весело отдыхаем.

«РЕМЕСЛО НЕ КОРОМЫСЛО, ПЛЕЧ НЕ ОТТЯГИВАЕТ»

— Проходите,— приглашает нас загорелый, коренастый мужчина в рабочем фартуке во двор своего небольшого домика, вымощенного досками. Направо дверь в сарай-мастерскую. Пахнет свежим деревом.

— Сколько здесь инструментов! — поражаюсь я.

— Почти все сам делал.— Хозяину приятно мое удивление. Затем он показывает свои готовые работы — наличники для окон, узор у всех разный.

— Откуда берете рисунок?

— В основном придумываю сам.

У пенсионера свободного времени много.

Так состоялось знакомство с Владимиром Афанасьевичем Бажановым.

— Как начинал? Жил в марийской деревне. Тесть у меня плотник был знатный. Помаленьку научился я рамы вязать, другую нехитрую работу справлять. А только хотелось мне чего-нибудь позаковыристей. Ходил по деревням, присматривался — больно затейливые есть украшения на избах. Попробовал и увлекся. В этот городок перебрался сразу после войны. Стал работать. А по вечерам урывками кое-что мастерил по дереву. Семью надо было поднимать — пять дочерей. Огород выручал. Сейчас уж выросли все. Одни работают, другие учатся в институтах — в Казани, Ижевске. Художницы, химик, переводчик, инженер — вот какие девчата вышли в свет из маленького домика.

МУЗЕЙ ЛЮБВИ К ПУШКИНУ

Еще одно знакомство, еще один дом, вернее, квартира Германа Андреевича Агалакова. Здесь все напоминает о А. С. Пушкине. Собрано множество книг поэта и почти вся литература о нем, репродукции, копии личных вещей. Со своими юными друзьями-школьниками Герман Андреевич совершил не одно паломничество в пушкинские места. И рассказчик он прекрасный. Любовь к Пушкину сумел передать не только членам драмкружка, которым руководит, а многим-многим горожанам. Вот уже сколько лет в Вятских Полянах проходят в мае — июне общегородские пушкинские праздники поэзии. И тут уж обязательно посещение скромного самодеятельного музея.

РАССКАЗ О ДИРЕКТОРЕ ЗАВОДА

Как вместить в этот короткий рассказ о маленьком городе судьбу незаурядного человека — Федора Ивановича Трещева? Вся жизнь его, кажется, заполнена делами завода, заботами о труде, быте, здоровье, отдыхе заводчан, о праздниках труда.

— Задумали мы новое дело поднять — большое многоотраслевое подсобное хозяйство. Завод, конечно, всегда подкармливал своих рабочих, с войны еще повелось — небольшие огороды общественные и небольшое животноводство. А нынче агрогород строим. Для рабочих подсобного хозяйства — коттеджи с квартирами в двух уровнях. И столовая нужна приличная. А раз люди прочно осядут, значит, понадобится и начальная школа с детским садом. Короче говоря, в нынешнем году вкладываем в это миллион с лишним рублей. Но и отдачи ждем весомой.

Директор частенько приходит в рабочую столовую, возьмет у какого-либо паренька его поднос с обедом, заплатит сколько надо и садится есть: «Ты уж извини меня...» Рабочие привыкли к такой директорской дегустации, и плохо будет работникам кухни, если что не так. Правда, чаще хвалит он хозяек столовой. Разнообразен и обилен рабочий котел.

Любимое детище завода и его директора — санаторий-профилакторий. Современное здание, комнаты на двоих, новейшее медицинское оборудование (есть барокамера), великолепный бассейн, еда вкуснее домашней.

— Я увидел похожий бассейн в Ессентуках,— шутя рассказывает Федор Иванович,— купил сантиметр и все обмерил. Приехал, показываю своим строителям. «Сможете так?» «Еще лучше сделаем». А теперь задумал сказочный дом для детворы построить. Чтобы и внешне был необычен, а внутри — электронные игры, чудеса всякие.

...Статистика утверждает, что каждый пятый советский человек живет в небольших городских поселениях. Как сделать, чтобы эти поселения развивались гармонично, чтобы крепли связи города и предприятий в нем, быстрее развивалась служба быта и сеть культурных очагов? Напишите нам, что делается в вашем городке и поселке.

ЧТО СИЛЬНЕЕ — ЭНТУЗИАЗМ, СМЕКАЛКА ИЛИ ПРЕПЯТСТВИЕ?

«ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ВСЕГО, ЧТО МЕШАЕТ ИДТИ К ЦЕЛИ»

ДЕРЗАЙТЕ, УМЕЛЬЦЫ!

О людях увлеченных

НА СПИДОМЕТРЕ — XXI ВЕК

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
фото
Александра НАГРАЛЬЯНА

Кот я не понравился с первого взгляда. Недружелюбно фыркнув, он повернулся ко мне спиной и величаво просочился сквозь стену сарая, даже не опустив высокомерно задранного хвоста.

Номер был из разряда цирковых, а само местечко слегка отдавало чертовщиной: какие-то заросли, развалины, болото, а посередь болота кладбище. Автомобильное.

Как меня занесло сюда, не знаю сам—с приблизительно намеченной тропинки давно сбился. Далеко позади осталась последняя остановка городского автобуса, полчаса назад встретился последний прохожий; чавкало под ногами, моросило сверху, смеркалось, а тут еще из ниоткуда в никуда прошествовал этот таинственный родственник Чеширского кота. Тот, правда, хоть разговаривал, дорогу можно было спросить...

— Заходите, не стесняйтесь,— услышал я вдруг из-за стены. И, опешив, но ничему уже не удивляясь, шагнул в очередную лужу, за которой обнаружилась дверь. А за ней...

Посмотрите, читатель, на эту цветную вкладку. Фотограф, как опытный ювелир, позаботился о том, чтобы подобрать драгоценному камню достойную оправу. Согласитесь, элегантные, стремительных линий машины прекрасно смотрятся. А теперь попытайтесь представить себе изумление человека, впервые увидевшего одну из этих красавиц в тесном, донельзя захламленном сарае, на грязном, залитом маслом земляном полу, кое-как забросанном металлическими и фанерными листами, в немыслимом соседстве с кучей отслуживших свое односпальных кроватей (восемь штук).

Кровати принадлежали организации, владевшей помещением, все остальное, не совсем точно названное хламом, таковым, по сути, не являлось, это был обыкновенный хаос материалов, деталей, механизмов, инструментов. Наверное, как и в хаосе мироздания, здесь существовал свой, известный создателю порядок. Но для человека постороннего, шагнувшего из дождливых сумерек под беспощадный резкий свет голых пятисотсвечовых ламп, контраст был разителен.

— Вот так и живем,— сказал, протягивая руку, Геннадий Ханинов.— Не дворец, конечно, но работать можно. А кота зовут Васькой, он тут за сторожа.

Сторож загрохотал чем-то в углу, а я еще раз с откровенным недоумением оглядел «не дворец»: зияющие огромными щелями стены, латанную-перелатанную и все равно дырявую крышу.

— А зимой вы тоже здесь работали?

— Здесь,— усмехнулся Геннадий.— Три зимы выдержали. Паяльной лампой и чаем спасались. Восемь термосов разгрохали, пока догадались кипятильником воспользоваться, чтобы не таскать чай с собой.

— Печку бы хоть какую поставили.

— Небо топить? Нет, тут только движение выручало.

Движение... Один из чеховских героев, рассуждая об истинной вере, приводит в пример своего дядьку-попа, который, отправляясь в великую сушь служить молебен о ниспослании дождя, обязательно брал с собой зонтик и кожаное пальто, чтобы не промокнуть на обратном пути с поля.

Мне кажется, что именно такого рода истовая, не допускающая малейших сомнений уверенность поддерживала, согревала двух ленинградских парней, поставивших неожиданную и дерзкую цель — построить своими руками автомобиль, каких еще не было. Не какую-нибудь скрипящую, тарахтящую самоделку, а машину, с которой не стыдно было бы показаться на любой самой шикарной автотрассе мира.

Разумеется, с точки зрения специалиста или человека, мало-мальски смыслящего в автоделе, затея выглядела, мягко выражаясь, несерьезной. У ребят не было ни опыта, ни элементарной мастерской, ни соответствующих знаний; лишь Дима Парфенов начинал когда-то водителем.

Но, к счастью, мнение скептиков их не слишком интересовало. Смелость, как известно, города берет, а тут не город даже, «всего-навсего» автомобиль. И они, что называется, завелись.

Двадцатилетние, жизнерадостные парни. Им бы веселиться да на дискотеку бегать, пока молодое солнышко светит, а они в отшельники. Обложились книгами, отыскали где-то у черта на куличках эту развалюху, натащили железяк и на три года распростились с друзьями, знакомыми, театрами, кино.

Чего ради? Вспоминаю небогатое послевоенное время, когда мы, мальчишки, пропадая в подвалах, мастерили самые невероятные вело- и моточудовища. Мастерили не столько из любви к техническому творчеству как таковому, сколько по бедности — ездить хотелось, а любые колеса для нас были баснословно дороги.

Не то нынче. Ни «Явой», ни «Жигулями» никого сейчас не удивишь. Не нужда, душевная потребность собственными руками содеять что-то нестандартное движет энтузиастами. Популярные конкурсы автосамоделок, организуемые журналом «Техника — молодежи», еще более популярная телепередача «Это вы можете» неоднократно и наглядно демонстрировали нам, сколь велики творческие возможности народных умельцев и как, кстати, неповоротлива сравнительно с ними бывает наша промышленность.

Прямо скажем, и по своим техническим данным, и по внешнему виду отечественные легковые автомобили пока не стали законодателями мод в мировом автостроении. Наверное, у руководителей отрасли найдутся объективные причины, объясняющие это отставание. Но нас, рядовых потребителей, интересуют не причины, а машины: экономичные, надежные, удобные, маневренные — на все вкусы и потребности.

С нетерпением ждем их. И с особым уважением относимся к тем, кто не ждет, своим трудом доказывает, как можно одолевать любые, самые невероятные препятствия.

Тысячи их стояло на пути Парфенова и Хаинова. Каждый, кто хоть раз связывался с ремонтом собственной квартиры, знает, какое множество самых неожиданных проблем тут же выползает изо всех ее углов. И можно только вообразить те легионы забот, что обрушились на ребят, вдвоем взявшихся за дело, в котором обычно участвуют сотни предприятий.

Нетрудно перечислить специальности, которыми надо хотя бы элементарно владеть, чтобы привести в божеский вид свое жилище. А что должен знать и уметь человек, рискнувший взяться за постройку авто?

— Нужно уметь рисовать, чертить, представлять требования современного дизайна, владеть всеми станочными специальностями, разбираться в радиоэлектронике, химии, быть автослесарем, монтажником, маляром, портным...— Геннадий начал было перечислять, загибая пальцы, потом и сам удивился: что-то многовато получается.

Перечисляя, он не упомянул главного — надо быть очень способным человеком, чтобы в сравнительно юные годы овладеть такой массой профессий. Овладеть, судя по итогам работы, блестяще.

Волею судеб мы выросли, как оказалось, на соседних улицах, учились (пусть в разное время) в одной 302-й средней школе, и потому с уверенностью могу утверждать, что никаких особенных условий для развития этих способностей жизнь им не предоставила. Гена занимался судомодельным спортом во Дворце пионеров, Дима строил ракеты в кружке, оба увлекались радиотехникой. Дружили с четвертого класса, но никогда ничего, кроме рогаток, вместе не делали. После школы пути-дороги и вовсе разошлись: Парфенову дали квартиру в новостройках, Дмитрия призвали на воинскую службу, где был водителем, потом поступил на завод, получил специальность наладчика сложных станков, имеет дело с роботами-

См. стр. 29.

Разве назовешь эти машины «самоделками»! * Дмитрий Парфенов и Геннадий Хаинов. Что еще можно придумать!

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Впервые на ночном Невском * Сарайчик на окраине города — «цех», где рождались машины-«самоделки».

ПРАГА

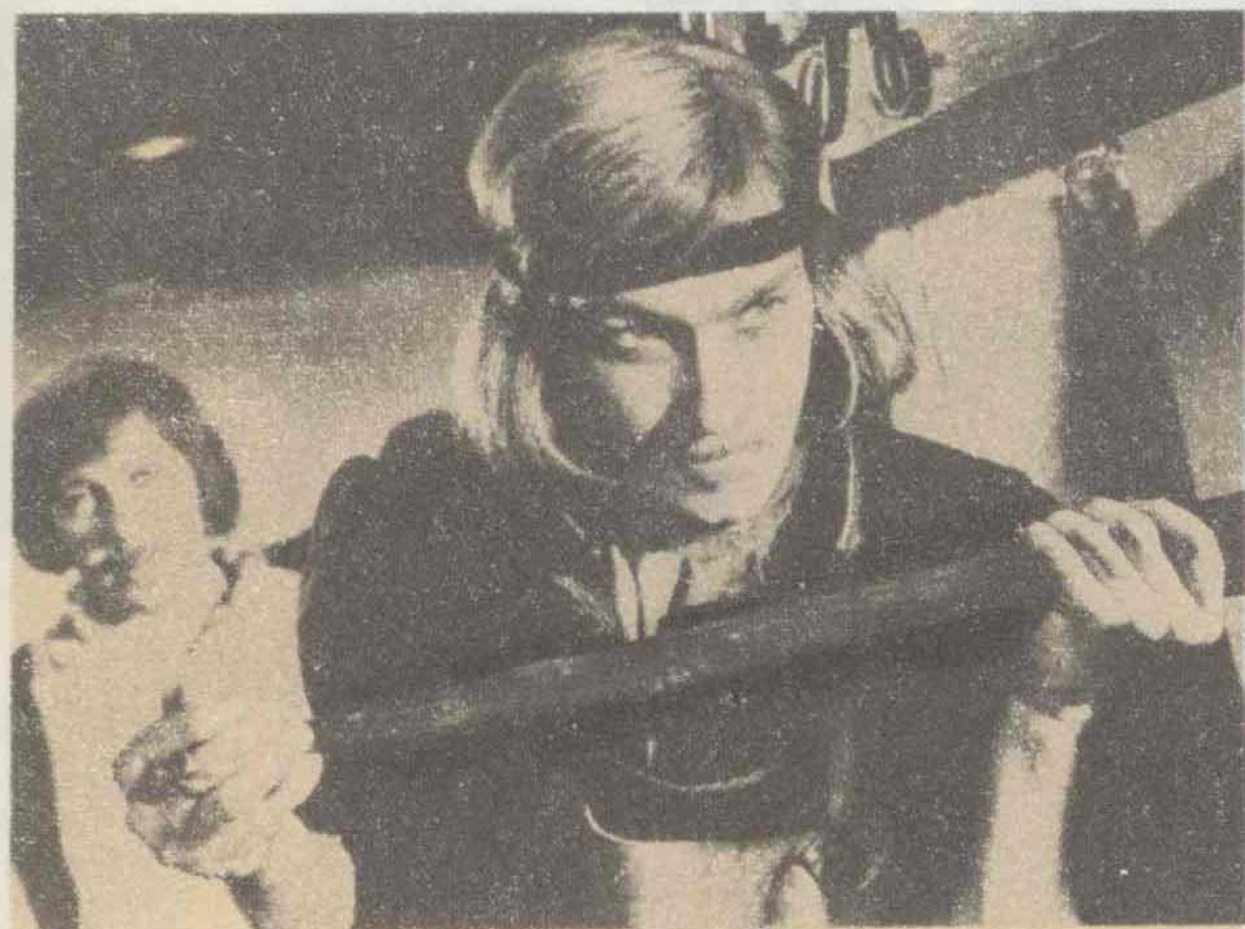

2 TM 1985

«Влюблен по собственному желанию».

«Я, Франциск Скорина».

А ГАМЛЕТ пока не сыгран...

Н. АЛЕКСЕЕВА

—Убежден, что спектакль заставит зрителей думать, не оставит равнодушными. Вот это самое главное.— Олег Янковский рассказывает о своей работе над ролью Гамлета на сцене Театра имени Ленинского комсомола (постановку осуществляет известный кинорежиссер Глеб Панфилов).

— На чем же основывается это убеждение, Олег Иванович?

— Мы стараемся ставить спектакль о том, что созвучно современному человеку, о нравственных проблемах, волнующих его,— вот что хочется вынести на сцену. Только тогда произойдет «подключение» зрителей. Герой должен быть узнаваем, следовательно, интересен. А как же иначе! Новое время рождает нового Гамлета.

О Янковском не раз говорили: его необыкновенная популярность обусловлена тем, что он создал подлинный, точный образ нашего современника. Думаю, однако, что эта характеристика не совсем верна. И не только в отношении Янковского.

По сути дела, лишь при некоторой временной дистанции возможно будет в полной мере оценить и со всех сторон проанализировать феномен сегодняшнего человека. Мне кажется, речь нужно вести о том, что каждый большой актер современен. Не может быть не современен. Потому что каждый, повторюсь, **большой** актер в любых ролях выявляет свою жизненную позицию. Он подмечает и анализирует процессы, происходящие в людях, обществе, и через определенные характеры выводит их на суд зрителей. Дает повод для размышлений.

Тонкая наблюдательность, стремление к психологической достоверности, склонность к духовному поиску и острое желание поделиться своими мыслями с другими — все это позволило Олегу Янковскому стать близким и понятным зрителю.

Именно эти качества помогали ему и в труднейшей работе над ролью князя Мышкина, которую совсем еще молодой актер сыграл в 1971 году на сцене Саратовского театра имени К. Маркса. Его герой волновал не внешней странностью, на которой нередко актеры делают акцент, а внутренней сосредоточенностью, напряженной, почти зримой, работой мысли и — при всей физической хрупкости — какой-то богатырской, неодолимой страстью творить добро.

Именно эти качества помогали Олегу и в первых кинофильмах (начиная с Генриха Шварцкопфа в «Щите и мече» и Андрея Некрасова в «Служили два товарища»), где он заявил о себе как актер умный, неоднозначный, способный показать характер во всей глубине эмоциональной жизни,— подвижным, сложным и противоречивым...

В 1973 году режиссер Марк Захаров пригласил Янковского в Москву, в Театр имени Ленинского комсомола.

Доброжелательная пресса часто и восторженно оценивает работы Олега Янковского на сцене и в кино. Что ж, это справедливо. Правда, многие, писавшие о нем, почему-то мучительно пытались разложить по полочкам природу его таланта. «Загадка Янковского» — это слово постоянно употребляется в адрес актера. Одни находили разгадку в обаянии, чуть холодноватой красоте, выразительном его взгляде; другие — в необычайной правдивости существования в образе, третьи — в значительности его человеческой личности; говорилось и об его умении дать четкую социальную мотивировку поступкам героев, о простоте и естественности, о серьезности и внутренней собранности... Разве возможно препарировать и объяснить талант, да еще находящийся в сложном движении, развитии?.. Если предположить, что в данном случае подходящее определение все-таки было бы найдено, для Янковского (как он сам понимает себя и свою профессию) это явилось бы чуть ли не катастрофой: значит, остановился, значит, истощился. Вот его слова: «Мотаюсь по эпохам, самым разным сословиям, темпераментам. Это чтобы не остановиться, не затвердеть, не определиться во что-то стойкое, однозначное и конкретное».

Потому-то он всегда во всех своих экранных ролях — а их около пятидесяти — разный. Всегда новый. Ох, уж этот многоликий Янковский! Волшебник в «Обыкновенном чуде», Мюнхгаузен, Свифт в «Доме, который построил Свифт» — тут актер воплощает высокую жизнь человеческого духа (кстати, каждый раз находя особые средства выразительности). В фильме «Влюблен по собственному желанию» мы становимся свидетелями возрождения, обновления души человеческой. Парторг в киноленте «Премия» — человек талантливый и твердо убежденный в правоте своего дела; и вдруг — «Мы, нижеподписавшиеся...»: отвратительный приспособленец, изворотливый и беспринципный подонок, для которого артист не жалеет ярких и психологически тонких красок. А этот рефлексирующий сорокалетний «мальчик» из «Полетов во сне и наяву», в меру обаятельный, но в чем-то и отталкивающий...

Сейчас Олег Янковский снимается на студии Довженко у своего любимого кинорежиссера Романа Балаяна в фильме «Храни меня, мой талисман».

— Я играю журналиста, который приезжает с молодой женой в Болдино, на Пушкинские чтения. Там они знакомятся с человеком, который настолько внедряется в их личную жизнь, что у моего героя нет иного выхода, как вызвать соперника на дуэль... Очень странный момент, не правда ли? В другой обстановке этого, наверное, не произошло бы. Не хочу рассказывать весь сюжет, но знаю, что фильм этот будет о духовности, о чести, о вере. Для меня здесь важно, как, каким образом раскрывается мой герой, на первый взгляд ничем особо не примечательный человек...

По-видимому, и здесь нас ждет встреча с новым Янковским. Незнакомым и узнаваемым. Загадочным и понятным. Неожиданным и неизменным.

«Служили два товарища».

◀ Народный артист РСФСР Олег Янковский.
Фото И. ГНЕВАШЕВА

«Шляпа».

Фото А. Базаева, Е. Соколова, В. Вдовенко

Совет в поле. Беседа с первым секретарем Полтавского обкома Коммунистической партии Украины Ф. Т. Моргуном.

НИВА ЕГО ЖИ

ДВАЖДЫ ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, КОЛХОЗНОМУ УЧЕНОМУ Т. С. МАЛЬЦЕВУ — 90 ЛЕТ

Полевод Т. С. Мальцев (довоенный снимок).

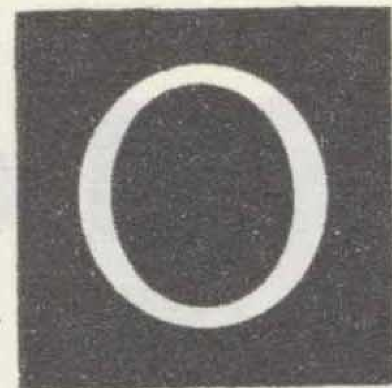
В колхозной лаборатории.

ЗНИ

Академик А. НИКОНОВ, президент ВАСХНИЛ

На сельскохозяйственной выставке в Москве.

Однажды Терентий Семенович Мальцев сказал: «Если бы случилось чудо и я смог начать свою жизнь сначала, я хотел бы прожить ее так же. Только с одним условием: пусть при мне будут тот опыт, те знания, которые есть сейчас... И пусть у меня будут те же противники, те же недоброжелатели, которые есть сейчас и которые, видимо, есть у каждого человека».

В этих немногих словах весь Мальцев, вся его богатая, цельная, целеустремленная натура труженика, борца, крестьянина, ученого, мыслителя, государственного и общественного деятеля, воспитателя, человека высочайших морально-этических качеств. Вся его жизнь — наглядный пример становления и формирования незаурядной личности. Его имя известно ныне во всех уголках Советского Союза, во всех слоях нашего общества.

Патриарху отечественного степного земледелия исполнилось 90 лет. Более восьмидесяти лет назад он провел первую борозду на отцовском поле, почти 65 — заложил первый опыт, более полувека назад возглавил колхозную лабораторию, 35 — возглавляет Шадринскую опытную станцию, 30 — почетный академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Сознательно привожу эти даты, чтобы показать, какая огромная и прекрасная жизнь стоит за ними. Но это — даты. Дополню их словами самого Терентия Семеновича, сказанными им недавно:

«В тридцатом году колхозники избрали меня полеводом. Сказали: доверяем вам главное наше сокровище. Это доверие воспринял я с большим вниманием, душевным трепетом, дорожил им и старался его оправдать. Меня до сих пор не провожали на пенсию. Когда назначили ее, то четырнадцать лет не получал, совестно было. В семьдесят пять стал получать».

Терентий Семенович здоров, бодр, работоспособен и активен. Он экспериментирует, часто выступает с лекциями и докладами, выезжает в дальние командировки и работает с лопатой (сам видел!) на своем личном, довольно обширном огороде.

Прекрасный мастер земледелия, формально он не имеет диплома высшего учебного заведения и даже аттестата зрелости. Но кругозор, эрудиция его поражают. Во время недавней встречи с ним на курганской земле, в его родном селе и колхозе «Заветы Ленина», автор этих строк неточно процитировал Дидро. Мальцев улыбнулся, потом извлек из одного из многочисленных книжных шкафов томик Дидро, раскрыл испещренную пометками страницу и прочитал упомянутое место. В его личной библиотеке многие тысячи книг, и все они читаются, даже конспектируются. На одной полке рядышком стоят две книжки А. Н. Энгельгардта «Письма из деревни». Одна из них издана в конце прошлого столетия, а другая — в 50-х годах нашего века. Оказывается, этот замечательный русский ученый и общественный деятель, диалектик и материалист, блестящий знаток пореформенной русской деревни — один из любимых авторов Мальцева, и в наше время он переиздан по его предложению.

Личность Т. С. Мальцева многогранна. Как ученый, он создал учение об обработке почвы в степных засушливых условиях. Он сделал крупное открытие мирового значения, доказав вопреки В. Р. Вильямсу, что не только многолетние, но и однолетние растения при определенных условиях могут накоплять органическое вещество и улучшать структуру почвы.

Ученый (у него скромная должность колхозного полевода) Т. С. Мальцев — непримиримый враг шаблона. Он выступил в свое время против рутинной заорганизованности, приносившей огромный вред сельскому хозяйству, которое нуждается в максимальной конкретности и гибкости, в учете всего многообразия бесчисленной массы объективных факторов. И вместе с тем ученый не навязывает своих подходов другим, он внимателен, чуток и скромен, он толкает людей на самостоятельное осмысливание ситуации с учетом складывающихся условий.

Огромный жизненный опыт и высокая образованность, помноженные на столь же высокое чувство ответственности и долга перед людьми, обществом, позволяют Т. С. Мальцеву прийти ко многим обобщениям философского плана. Землепашец и агроном Мальцев давно дружит с философами, изучает и знает их труды от древних греков и римлян до классиков марксизма-ленинизма и ученых современности.

Можно без всякой натяжки сказать, что Терентий Семенович Мальцев — явление уникальное в истории нашей аграрной науки и общественной жизни. Он стоит в одном ряду с Андреем Тимофеевичем Болотовым, ученым-энциклопедистом, 250-летие со дня рождения которого мы будем отмечать через два года, а также Иваном Владимировичем Мичуриным, основоположником научной селекции плодовых культур, почетным академиком АН СССР и ВАСХНИЛ.

Если сравнивать его с выдающимися зарубежными учеными и опытниками, такими, как Лютер Бербанк, Эдвард Фолкнер, и другими, то Терентия Семеновича отличают широта общественного кругозора, его влияние на формирование общественной морали. И в этом смысле феномен Мальцева присущ только социалистическому строю.

Коммунист Т. С. Мальцев вступил в русскую секцию Компартии Германии, находясь в немецком плену во время первой мировой войны, и с тех пор высоко несет высокое звание партийца.

Терентий Семенович ведет трудовой, спартанский образ жизни, неутомимо пропагандируя здоровый образ жизни и быта. Ему чужд вещизм. Самое большое богатство — книги. Единственный напиток, который любит и потребляет всю жизнь,— это чай. Он не раз выступал с трибуны съездов партии и Пленумов ЦК КПСС, Всесоюзных съездов колхозников, в центральной и местной печати. Т. С. Мальцев — желанный участник передач по радио и телевидению.

В предисловии к своим недавно изданным «Избранным сочинениям» Т. С. Мальцев писал: «Чтобы быть настоящим человеком, необходимо делать для грядущих поколений то, что делали наши предки для нас,— умножать силу земли, беречь ее красоту». Этому он посвящает свою жизнь, к этому призывает молодежь, призывает не столько словом, сколько делом и личным примером.

Велимир Хлебников. 1912 год.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ВЕЛИ

А. БЕРМОНТ

«Ни в какие школы, ни в какие течения не нужно зачислять этого человека. Поэзия его так же неповторима, как поэзия любого поэта. И учиться на нем можно, только проследив пути его развития, его отправные точки, изучив его методы. Потому что в этих методах — мораль нового поэта».

Юрий Тынянов

Виктор Владимирович Хлебников, вошедший в русскую поэзию под именем Велимир Хлебников, родился 28 октября 1885 года. В автобиографической заметке Хлебников писал: «Принадлежу к месту встречи Волги и Каспия моря (Сигай). Оно не раз на протяжении веков держало в руке весы дел русских и колебало чаши».

Вольный дух астраханской степи, необозримый волжский простор, заповедная первозданность природы устья Волги — страны Лебедии, хранимый в песнях и преданиях, как бы осязаемый в пространстве бунтующий разбойный дух Разина... Таков мир детства. Таковы влияния, формировавшие будущего поэта и мыслителя.

Девятнадцатилетний Хлебников был потрясен гибелью русских судов при Цусиме. Тогда же он поклялся обнаружить математические закономерности исторических катастроф и тем самым дать человечеству возможность предотвратить и предвидеть казавшиеся фатальными катаклизмы. К юношеским годам относятся и первые словотворческие опыты и поэтические эксперименты Хлебникова, первые подступы к тому, что станет делом всей жизни,— это практическая разработка языка, призванного не разобщать, но объединять — не только людей, но и весь мир, все живое и способное участвовать в «едином смертных разговоре».

В 1908 году, уже в Петербурге, Хлебников опубликовал свое первое произведение. Этому предшествовали годы учебы, жадное постижение самых различных знаний о мире, занятия математикой, биологией, филологией, посещение знаменитого Пушкинского семинара Венгерова, участие в студенческих волнениях и недолгое тюремное заключение. Несколько позже — знакомство с кругом поэтов-символистов, из которых более других повлияли Вяч. Иванов, М. Кузмин, С. Городецкий, А. Ремизов. Наконец, знакомство и сближение с группой художников-футуристов — Маяковским, Бурлюком, Каменским, Крученых,

Р. ДУГАНОВ

Звук судьбы

В 1920 году в рабочих заметках под названием «О природе дружбы» Хлебников писал: «Существуют ли правила дружбы? Я, Маяковский, Каменский, Бурлюк, может быть, не были друзьями в нежном смысле, но судьба сплела из этих имен один веник».

Не случайно вместо слова «венок» он написал «веник». Иронический каламбур только подчеркивал ощущение исторической неслучайности их связи. В поэзии нашего века имена Маяковского и Хлебникова, конечно, близки.

Историю вообще Хлебников часто представлял в образе какого-то огромного «мирового дерева», вроде того, о котором говорится в начале «Слова о полку Игореве»: «Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу...» И в конце жизни он обращался к Маяковскому в стихотворении «Признание»:

Будем гордиться вдвоем
Строгою звука судьбой.
Будем двое стоять у дерева
молчания,
Вымокнем в свисте.

Маяковский не знал этих строк, оставшихся в черновых бумагах Хлебникова и опубликованных лишь в 1931 году. Но его самоощущение было очень близким. В своей последней пьесе «Баня», которая вместе с поэмой «Во весь голос» стала его поэтическим завещанием, он также ставил себя рядом с Хлебниковым. Только история показана в пьесе не в виде «дерева времени», а в виде «машины времени». И Хлебников в ней выведен в образе изобретателя Чудакова, а сам Маяковский — в образе Велосипедкина, помогающего строить «машину времени» и пробивать ее через бюрократические рогатки. Все монологи и сколько-нибудь значительные реплики Чудакова являются почти прямыми цитатами из Хлебникова. Разумеется, Чудаков и Велосипедкин не портреты Хлебникова и Маяковского, это в соответствии с театральной поэтикой Маяковского «оживленные тенденции», драматургически воплощенные «идеи» Хлебникова и Маяковского. Но, судя по тому, что ни современники, ни позднейшие читатели и зрители «Бани» не догадывались о прототипах героев пьесы, они оказались вполне живыми, не «тенденциозными» и не «цитатными». Чудаков, как заметил один исследователь Маяковского,— это «обаятельный образ рабочего», из числа самых привлекательных образов во всем его творчестве. Таким видел Хлебникова Маяковский в своем последнем произведении.

И замечательно, что оно перекликалось с его первой большой вещью, трагедией «Владимир Маяковский», в которой тоже присутствовал образ Хлебникова. Правда, там дело было сложнее. С одной стороны, все персонажи трагедии как бы воплощали разные стороны души поэта, которая таким образом раскрывалась перед зрителями со сцены, а с другой — эти странные персонажи, напоминающие «дивьих людей» народных сказок, в то же время оказывались как бы вывернутыми наизнанку образами его ближайших друзей. Хлебников же в трагедии выступал в образе «Старика с черными сухими кошками», который в ответ на трагическое шутовство поэта говорит:

Оставь.
Зачем мудрецам погремушек
потеха?
Я — тысячелетний старик.
И вижу — в тебе на кресте
из смеха
распят замученный крик.

Замкнутый, молчаливый, погруженный в филологические и числовые изыскания, обладавший обширными и самыми неожиданными знаниями из биологии, математики, астрономии, древней истории, религии, философии, Хлебников и в самом деле казался Маяковскому каким-то древнеегипетским мудрецом. В начале 1912 года, когда они познакомились, трудно было найти кого-либо более несхожего с шумным, громогласным, невероятно общительным восемнадцатилетним Маяковским. Позже в автобиографии «Я сам», написанной в год смерти Хлебникова, он признавался: «В Москве Хлебников. Его тихая гениальность тогда была для меня совершенно затемнена бурлящим Давидом». Но очень скоро ему открылся иной Хлебников.

В те дни Хлебников работал над книгой «Учитель и ученик», в которой, по его словам, он «задумал мыслью победить государство». Вышедшая в мае 1912 года, она стала программой всего «будетлянского» искусства. В ней в итоге вычислений закономерностей мировой истории Хлебников предсказывал падение Российской империи в 1917 году.

Юрий Тынянов говорил, что Хлебников был «новым зрением» в поэзии двадцатого века. Продолжая его мысль, можно сказать, что Маяковский был ее «новым голосом».

МИР ХЛЕБНИКОВ

Гуро и другими, обретшими по воле Хлебникова свое новое имя — будетляне.

С этого начинается звездный путь поэта, философа, жизнестроителя, оборвавшийся на 37-м году его жизни в деревне Санталово Новгородской губернии.

«Мне кажется, что прожитые мною дни — мои перья, в которых я буду летать, такой или иной всю мою жизнь» — так говорил Хлебников. Сейчас его имя стоит в ряду выдающихся мастеров отечественной культуры XX века. Не случайно многие современники поэта признавали за ним творческое и духовное лидерство, как бы продолжая в своих высказываниях то, о чем Хлебников упомянул в автобиографии: «В 1913 году был назван великим гением современности, какое звание храню и по сие время». Столь экстравагантное высказывание не было для Хлебникова позой, салонной бравадой и даже не было нескромным. В этой фразе, с одной стороны, проявилась удивительная детскость его существа, наивность мудреца, отказавшегося от благ мира, а с другой — уверенность в неслучайности своего бытия, в его высоком предназначении, дарованном судьбой, но требующем от человека суровой самоотверженности, отдачи всех сил, честнейшего и благороднейшего служения.

Хлебников верил в возможность реализации своей мечты о грядущем государстве изобретателей, где социальная справедливость будет обусловлена высочайшим, гармоничным развитием человеческой цивилизации, и в этой вере и благодаря ей был целеустремлен и последователен.

Многие современники вспоминают о «странности» Хлебникова, о необычности его поведения даже в контексте футуристической «театрализации жизни», будетлянского эпатажа, отличавшегося вызовом устоям массовой культуры. Именно таким представлением об искусстве будетляне, и прежде всего Хлебников, противопоставили свое понимание судьбы художника — пророка, лидера, трибуна, способного вести за собой и имеющего право воспитывать людей, творить и жить свободно и быть в своем постижении мира независимым от толков и суждений «толпы». Это было своеобразным продолжением пушкинской традиции, впервые остро поставившей вопрос о месте поэта, его призвании, его правах и свободах.

Хлебников, без сомнения, обладал той силой характера и той преданностью избранному пути, которая отличает личность героическую. Его вера в проповедуемые идеи и идеалы была столь глубока, что заставляла других видеть в самом поэте не столько человека, воспринимаемого в бытовых реалиях, сколько явление, поражающее своей стихийной, но разумной и волевой силой. При этом цельность личности поэта проявилась и в повседневной жизни, и в ее критические моменты. Так, за две недели до смерти тяжело больной Хлебников покинул дом своего друга и поселился в заброшенной бане, боясь заразить живущих в доме детей. Казалось бы, частица жизни, мелкая подробность. Но за ней — многие факты хлебниковского бытия, сохранившие нравственный пафос его существования.

Поэтический путь Хлебникова — движение поступательное, пример развития, устремленного к познанию мира и постоянно учитывающего, анализирующего и использующего достигнутое и найденное.

В произведениях, написанных после 1917 года — а для Хлебникова это был не только период после революции, но и время поэтических кульминаций, — социальное, общественное устройство становится неким основанием, предполагающим возможность воплощения многих идей поэта. Ведь именно новое справедливое общество должно дать максимальное развитие творческих сил, именно на подобной почве возможно формирование нравственного идеала, противоположного морали приобретательства, и именно в этом мире становится возможно гармоническое торжество ритма и меры:

Это шествуют творяне,
Заменивши Д на Т,
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.

Не случайно победы революции воспринимались поэтом как глубоко личные, ведь они были изначально родственны ему по своей устремленности в будущее.

Широта восприятия, знание мира «от мельчайших пылинок до самых крупных явлений», знание «вдоль и поперек, снизу доверху, от древнейших времен до последних событий» определяют космизм Хлебникова, его «новое зрение».

Хлебниковская разработка различных языков, среди которых особое место занимает звездный язык, хлебниковские математические опыты, его числовое экспериментирование, наконец, то, что пренебрежительно называлось заумью, а Тынянов определил как новый смысл, сводится в целом к созданию новой коммуникативной системы, к поиску новых видов связи, учитывающему не столько сиюминутные потребности, сколько требования будущего. Пути языков порой бывают парадоксальны, и если сегодня наиболее приспособленным к использованию в электронно-вычислительной технике оказался древний язык индейского племени, то кто знает, для решения каких задач нам потребуется хлебниковское лингвистическое учение.

Сегодня, читая поздние стихи поэта, мы ощущаем не только уникальность его поэтического гения, но и всю остроту его восприятия действительности, непримиримость драматического столкновения поэта-изобретателя и мещанина-приобретателя, конфликт с которым обнажает «разинское» начало хлебниковского духа, его не зависящую от обстоятельств веру в идеал грядущего:

Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые струги.
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

Хлебниковская строка в русской культуре не кончается. Новое время и новое движение умов должны привести и к новейшему состоянию всей разумной среды, и именно в этот момент мы вспомним в ряду иных высокое имя — Велимир Хлебников.

Во всяком случае, именно так представлял его образ Хлебников. И во многих его произведениях, где явно или скрыто присутствует Маяковский, на первый план выступает образ звучащего слова.

Вот одно из таких стихотворений Хлебникова, относящееся к лучшим хлебниковским вещам и, по-моему, к лучшим стихотворным портретам Маяковского. Здесь оно печатается в подлинном виде по рукописи.

КТО?

Парень,
С слоновьим затылком
И нежными и добрыми,
громадными неловкими ушами,
Выпятил вперед,
Свесив губу, как слово «так!»,
Свой железный подбородок
Вождя толп,
Прет вперёди, вперед и вперед!
С веселыми глазами
Крушения на небе летчик,
Где мрачность миров осыпана
Осколками птицы железной,
Веселой птицы осколками,
И слабыми, добрыми губами,
Богатырь, с сажень в плечах.
Кто он?
Бывало, своим голосом играя
как улыбкой,
Он зажигает спичку острот
О голенище глупости.

Как заметит внимательный читатель, портрет Маяковского написан как бы на фоне его пьесы «Мистерия-буфф».

Хлебников пишет портрет Маяковского так, что сквозь образ поэта мы видим и образ его пьесы, а может быть, и образ всего его творчества, парадоксально соединявшего «мистерию» и «буфф», трагическое и комическое. И в то же время мы почти физически ощущаем, видим и слышим его необычайный голос.

СИЛУЭТ НА МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКЕ

В кабинете Корнея Чуковского слева от письменного стола много лет висит рисунок Бориса Григорьева. На рисунке — профиль Велимира Хлебникова и собственноручная приписка: «Сидел В. Хлебников». Рисунок сделан летом 1915 года на террасе куоккальской дачи Чуковского.

Начиная с 1913 года Чуковский выступал с лекциями о футуристах, писал о них критические статьи. В эти годы он познакомился с Маяковским, с Хлебниковым, с Бурлюком и другими поэтами и художниками, чьи декларации и манифесты гремели тогда по всей стране. Сами футуристы (будетляне, как называл их Хлебников) считали, что «для нашего поколения он [Хлебников] то же, что и Пушкин для начала девятнадцатого века, то же, что Ломоносов для восемнадцатого». Они называли Хлебникова «королем времени». Бенедикт Лившиц пишет: «В иконографии «короля времени» и живописной, и поэтической уже наметилась явная тенденция изображать его птицеподобным. В своем неизменном сером костюме, сукно которого свалялось настолько, что, приняв форму тела, стало его оперением, он и в самом деле смахивал на задумавшегося аиста: сходство это отлично удалось передать и Борису Григорьеву на рисунке, страдальчески величавом авторизованном самим Велимиром...»

Художник Борис Григорьев, так же как Маяковский, Хлебников, Бурлюк, Вас. Каменский, в те годы часто бывал в Куоккале на знаменитых репинских «средах» и на «воскресеньях» у Чуковского. Кроме В. Хлебникова, он исполнил портреты Репина, а также Шаляпина, Есенина, Горького и многих художников и артистов.

Несколько лет назад в Астрахани на доме, где жила семья Хлебниковых (улица Кучиевской, бывшая Крестовоздвиженская), была установлена мемориальная доска работы астраханского скульптора Германа Софронова. Профиль В. Хлебникова, изображенный на доске, воспроизводит фрагмент того самого рисунка Бориса Григорьева, который много лет висит в переделкинском кабинете Корнея Чуковского.

Елена ЧУКОВСКАЯ

С огнем и талантом

Почти во всякой книжке есть места, которые запоминаются больше всего. В этой запоминается переписка автора с поэтом Пастернаком. Автор давал замечания по поводу великолепного пастернаковского перевода «Гамлета» — деловые, жесткие, иногда беспощадные. И выдающийся поэт с горечью, но принимал их: «признанный знахарь по шекспировским делам» побеждал «знахаря по стиху», как называл Михаила Михайловича Морозова и себя сам Пастернак.

Профессор М. М. Морозов, специалист по английскому языку и литературе, знал Шекспира, как никто другой, и книги его, которые выходят теперь, спустя больше чем тридцать лет после его смерти и служат у нас пособием в этой области, говорят о том, что в советской шекспирологии не появилось более значительных трудов. Нынешняя — «Театр Шекспира» — одна из таких книг.

Ее название, пожалуй, чересчур скромно, ибо книга широка — о жизни Шекспира, об эпохе Шекспира, о героях Шекспира, о философии Шекспира, о культуре Ренессанса вообще, наконец, о сродстве этой культуры с сегодняшним днем, то есть о том, как влияет английский гений, «нежный лебедь Эйвона», на духовность наших современников, в частности, наших соотечественников.

Многочисленные морозовские труды о Шекспире получили признание еще при жизни ученого, и сегодня, когда мы держим в руках внушительный том, объединивший многое из его наследия, еще раз можно ощутить во всей мере блистательную личность этого человека. Сами заголовки исследований М. М. Морозова, вошедших в книгу — «Жизнь и творчество Шекспира», «О трагедиях Уильяма Шекспира», «Советское шекспироведение и театр», «Анализ трагедий «Отелло» по ходу действия»,— говорят о разносторонности автора: он историк литературы, текстолог, театровед, комментатор.

В комментариях к шекспировским пьесам особо ощущаешь эрудицию М. М. Морозова, поскольку знакомишься не только с историей создания тех или иных текстов, но и с Вероной XVI столетия («Ромео и Джульетта»), британским средневековьем (исторические хроники), погружаешься в венецианскую политическую жизнь времен Отелло.

Чрезвычайно интересен биографический очерк о Шекспире. Цель автора здесь — доказать бесспорное авторство великого поэта и драматурга, до сих пор, увы, подвергающееся на Западе иногда сомнению: основанием для этого служит крайняя скудность фактографии. Но М. М. Морозов проводит сложнейший филологический анализ, и его точка зрения окончательно и убедительно одерживает верх.

Сборник этот был бы, безусловно, неполон, если б не был оснащен эпистолярным разделом, замечательными воспоминаниями о его авторе; воспоминаниями поделились С. Наровчатов, П. Антокольский, А. Тарковский, В. Комиссаржевский, и каждый из них по-своему рассказал нам о том, кого Пастернак назвал «человеком с огнем и талантом».

Наконец, появлением своим книга «Театр Шекспира», рассчитанная не только на театроведов, но на самого широкого читателя, обязана таланту, настойчивости и энергии Е. М. Буромской-Морозовой — верного пропагандиста творческого наследия выдающегося советского литературоведа.

А. ЕФИМОВ

Морозов М. М. Театр Шекспира (сост. Е. М. Буромская-Морозова). М., ВТО, 1984. 304 с.

ЕСТЬ ТАКОЙ Д

акануне первой мировой войны, в 1914 году, в России было два с половиной миллиона беспризорных детей. Кто возьмется подсчитать, сколько их стало после трех лет войны, перед революцией? Молодая Советская власть объявила всех российских детей детьми Республики — независимо от классовой принадлежности их родителей. В 1930 году оставались беспризорными пятнадцать тысяч ребятишек. Но потом была другая война, еще более страшная.

Речь здесь пойдет о приемнике-распределителе для несовершеннолетних, который находится в ведении Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома. Он существует уже пятьдесят семь лет. Задача приемников на строгом языке официального документа сформулирована так: «Приемники-распределители для несовершеннолетних являются подразделениями органов внутренних дел, осуществляющими работу по предупреждению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних и оказанию на них необходимого воспитательного воздействия». Выражено не очень-то благозвучно, но зато точно.

Тысячи мальчишек и девчонок, беспризорных и заброшенных, прошли через приемник за эти годы, в его стенах получили первую путевку во взрослую жизнь. Особенно много работы было у приемника во времена Великой Отечественной войны. Достаточно сказать, что за один лишь 1942 год он принял сорок три тысячи сирот. Это были дети, которые по ночам плакали и стонали во сне: им снились фашистские бомбежки и глаза расстрелянных матерей.

До недавнего времени приемник располагался в бывшем Даниловском монастыре, который теперь передан государством в распоряжение Московской патриархии. Новый дом находится на Алтуфьевском шоссе. Туда мы и отправимся.

ЕГО ХОЗЯЕВА

Надо сразу предупредить: это не дом отдыха, хотя для многих ребят и девчат он лучше санатория — для тех, кто до появления здесь, в своей предыдущей жизни, не подозревал о существовании наволочек и простыней.

Территория в два гектара. У ворот — двухэтажное здание дежурной части. Всякий новоприбывший попадает прежде всего сюда. Хоть это и нелегко, вообразим себя на часок шестилетним гражданином, очутившимся без отца с матерью, и вручим свою позаброшенную особу хозяевам дома.

Дежурный лейтенант, принявший нас, звонит по телефону. Появляется тетя в голубой милицейской рубахе с погонами. «Здравствуй, орел!» — говорит она как знакомому, а сама вертит-поворачивает, подозрительно тянет носом, и вид наш ей не нравится. Целует в щеку. «Хорош! — говорит.— Ну, идем, Николай батькович». Берет за руку, как маленького, а нам такие нежности ни к чему: не приучены. Ну, идем. Двор большой. Разные площадки, наверное, для игры. Два длинных дома по четыре этажа. Тетя ведет нас к высокому подъезду, отделанному блестящей черной плиткой. Поднимаемся на первый этаж. Заводит в большую комнату, где журчит вода. «Раздевайся,— говорит,— мыться будем. Когда последний раз купался?» А когда? Прошлым летом под дождем. В ванне у нас картошка сложена, а краны не работают. В общем, нас помыли и одели в синие штаны и куртку, а наши вещички унесли. Потом повели в другую комнату, тут же, на первом этаже, там два доктора, дядя и тетя, в белых халатах, смотрели нам в уши, в горло и в нос, стучали пальцами по ребрам и слушали через резиновые трубки, как мы дышим, и все время приговаривали: «Да-а, да-а». Хотелось есть, и мы с тетей в голубой рубахе пошли в столовую, нам дали хлеба и котлету, чтобы пока не умереть с голоду, а обед после. Потом поднялись по лестнице и пришли в очень большую комнату, там стояли одинаковые кровати, штук десять, а может, больше, мы считать умеем только до десяти. Моя кровать будет у стенки. Как на ней спать, неизвестно, у нас дома мы спали на полу...

Но довольно. Даже при тех почти идиллических условиях, в каких очутился шестилетний горемыка, сирота при живых родителях, даже в этом милосердном доме не пожелаешь себе побывать в его маленькой шкурке, хотя бы и отмытой. Оставим его оглядеться и попривыкнуть в спальне, где все блистает чистотой, а постели заправлены столь мастерски, что всякий моментально сообразит: такая филигрань недоступна и матросским рукам, не то что ребячьим.

Пойдем по этажам вместе с начальником приемника майором милиции Кларой Алексеевной Первушиной и ее первым заместителем капитаном Икрамом Ибрагимовичем Ибрагимовым (есть еще заместители по политчасти, по режиму и по административно-хозяйственной части).

— Нам положено держать каждого прибывшего не дольше месяца,— объясняет на ходу Клара Алексеевна.— Наш дом можно сравнить с декомпрессионной камерой — знаете, водолазов с глубины не сразу поднимают на поверхность, на воздух. В камере из организма удаляются вредные вещества, а для этого нужна постепенность. От нас ребята переходят кто в детдом, кто в специальное ПТУ — зависит и от возраста, и от того прошлого, с каким пришел сюда наш подопечный. У нас ведь и пре-

ступники есть,— тринадцатилетних можете себе представить? О них особая забота, мы стараемся выяснить причины и условия их противоправного поведения. Там, куда они попадут после нас, это знание поможет в работе по их исправлению.— Клара Алексеевна прервала себя, улыбнулась.— Да, а насчет месячного срока — это получается только теоретически. Ждать места в детдоме или в училище приходится долго. Так что многие наши дети живут здесь по два и по три месяца. А куда же им деваться?

— А каковы причины и условия у тех, кто прибывает к вам не по причине противоправного поведения?

— Те же самые, разница лишь в последствиях. Один украл, чтобы наесться, другой постеснялся. Наши дети делятся на три основные категории. Первая и самая многочисленная — сыновья и дочери пьяниц, лишенных родительских прав, и неправоспособных алкоголиков. Вторая — мученики из распавшихся семей и круглые сироты, у кого отец с матерью умерли недавно или давно. Сами понимаете, распадаются семьи не по вине детей. Третья — смешанная, но так или иначе связанная с семейной неустроенностью. Ну, и бывают, конечно, случаи, не поддающиеся классификации, неожиданные, как неожиданна и сама жизнь.

Клара Алексеевна знает, что говорит, ей можно верить: до приемника она пятнадцать лет работала в инспекции по делам несовершеннолетних.

Из отделения дошкольников мы поднимаемся в другое, к школьникам. Начальник нажимает кнопку звонка, дверь раскрывается, дежурный воспитатель, женщина с погонами старшего лейтенанта, отдает рапорт: столько-то воспитанников в наличии, занимаются тем-то и тем-то, происшествий не произошло. А потом, уже в неофициальном разговоре, мы и от старшего лейтенанта Марины Завеновны Погосян слышим: «наши дети». Это не вообще, не

Олег ШМЕЛЕВ

ОМ

во всесоюзных размерах—это относится к тем, кто сию минуту находится в приемнике и обитает в данном отделении. Воспитатели, сами имеющие детей, похоже, в мыслях и в душе не отделяют родных от этих вот, временных, даже если они из отделения, где содержатся стриженные под ноль правонарушители, совершившие не одну кражу.

В классной идут занятия, все выглядит, как в обыкновенной школе: парты, стулья, доска, на стенах картинки. Но что-то не совсем так. Когда ученики поднимаются, приветствуя вошедших взрослых, бросается в глаза неестественная разница в росте: один, что называется, метр с кепкой, другой каланча. Объясняется просто: здесь собраны вместе ученики разных классов — от третьего до восьмого. От учителя требуется универсальность.

У мальчиков свои отделения, у девочек — свои. Общаются они в клубе, куда ходят трижды в неделю смотреть кино, и на прогулках во дворе. Во всех отделениях день начинается и кончается, как в пионерском лагере.

Во все времена, во всех странах дети стремились убегать из подобных заведений — тяга к приключениям не дает им покоя. Если полуторагодовалого исследователя так неудержимо тянет улизнуть из-под контроля хотя бы за пределы песочницы, то насколько же слаще «утечь» из замкнутого пространства, где на проходной — дежурный сторож.

Интересно, как обстоят дела здесь?

— У нас не бегают. Был, правда, случай,— говорит Клара Алексеевна.

Однажды ушли три графа Монте-Кристо. Беглецов искала милиция, но они вернулись сами и с полным осознанием признали, что виноваты. Они желали прожигать жизнь и исполнили желаемое: сходили в кинотеатр, выпили по «Буратино» и съели по три трубки мороженого «Лакомка». Деньги же были честные: одному из них удалось пронести за щекой еще при первичной доставке.

Среди обитателей приемника попадаются великие умельцы вроде того хромого (полиомиелит) тринадцатилетнего джентльмена, который, наскучив прохлаждаться в одесском детдоме, поехал поглядеть страну. Милиционер познакомился с ним на московском вокзале, когда он был проездом из Риги в Сочи. В карманах у недовольного задержкой землепроходца обнаружили остаток той суммы, с которой он покидал родимый детдом,— девятьсот с чем-то рублей. Когда у него спросили, откуда деньги, он с ленивой небрежностью ответил: «Должки собрал». Какие должки могут быть в детдоме? Комментировать собственное опрометчивое заявление богатый гость благоразумно отказался. Но и ежу понятно: если он во что-нибудь в Одессе играл, то наверняка не в фанты. На деньги, между прочим, в наши просвещенные времена не обязательно играть в карты, можно и в шахматы, и даже в кубики Рубика. Легко согласиться, что такому бывалому вольнолюбцу разомкнуть любой заколдованный круг — пара пустяков.

Воспитателям необходимо всегда поддерживать, как говорится, хорошую спортивную форму. Прошедшим летом, например, средь бела дня во время прогулки бесследно пропала девочка десяти лет. Так как она цыганочка, к ней применимо определение, придуманное писателем Ю. Олешей: это была девочка ростом с веник. Объявили всемосковский розыск, на территории обшарили углы, закоулки, шкафы, ящики — она же крохотная! Разве что котлы на кухне не проверяли. А цыганочка спокойно лежала в высокой траве во дворе целых шесть часов. Сначала она легла туда, чтобы просто посмотреть немного на небо. А потом ей стало интересно, как ее все ищут. И ей было до слез смешно: десять раз прошли мимо, можно рукой за ногу схватить — и не заметили!

Вообще же у начальника одного из отделов Московского уголовного розыска, в ведении которого по традиции находится приемник, у капитана Владимира Алексеевича Солнцева, еще очень молодого человека, поводов делать серьезные внушения подчиненным за подобные ЧП совсем немного. В расчете на год вряд ли наберется 0,5 раза — если уж высчитывать по-бухгалтерски.

А ребята что ж? Им прощают, как умеют прощать взрослым они сами, и гораздо горшие обиды; как простила девочка Оля своей матери все ее пьяные унижения и подлости, когда та в редкую минуту просветления опомнилась и прибежала с пряником в руке на Алтуфьевское шоссе хоть взглянуть на потерянную, убежавшую из дому дочь. Простила и ушла с матерью. Не за пряник ушла. Только надолго ли?

Нет, побеги не отравляют воспитателям существования. Больше тревожит другое. Сюда, в приемник, прибегают несравнимо чаще, чем пытаются уйти. Вновь ищут приюта дети, которые здесь уже побывали когда-то и кого отсюда вернули под родительскую дырявую крышу, в семейный сквозняк или отправили в неудалый детдом, в спецучилище. Для них приемник — земля обетованная. Это должно бы льстить профессиональному самолюбию хозяев приемника — значит, полюбилось детям, вздохнули здесь. Но их это глубоко огорчает. И не из-за того, что лишние жильцы доставляют неудобства и дополнительные хлопоты — в конце концов пять или двадцать сверхштатных никого не объедят. В другом тут дело: жалко ребят, опять у них не заладилось. Опять, наверно, будут вскрикивать и стонать во сне...

ЖИЛЬЦЫ

Их можно бы считать и гостями, поскольку они здесь все-таки временные. Но если это гости, то из особого разряда: им никогда не надоедают хозяева и их никому не приходит в голову выдворять поскорее. Они вечные гости, везде и всегда, до тех пор, пока добрые люди, поставленные на то государством, не приготовят их к самостоятельной взрослой жизни.

Для воспитателей они просто дети, которых надо срочно вызволять из беды.

Светлана С.

Она уже была здесь однажды. Сейчас совершает второй круг. Впечатление двойственное, колеблющееся.

Кожа худых рук, истончившаяся и сухая, не дает поверить, что это несовершеннолетняя девушка. Можно дать и сорок. Но...

Ясный взгляд живых карих глаз. Открытое, готовое к улыбке лицо — да нет, Светлане действительно пятнадцать.

Какая-то упреждающая мимика, как бывает, когда человек, еще не произнеся слова, лицом и жестом уже пережил и изобразил его смысл и вкус. Видно, что нервная, но сама как бы не обращает на это внимания, хотя и сознает. Непохоже на подростка. Сколько же ей?

— Как себя чувствуешь, Света?

Чуть виноватая улыбка.

— Выпить хочется.

— Давно не пила, да?

— Уже два месяца.

— Так вроде бы пора и совсем отвыкнуть.

— Все равно хочется.

— Но можешь же ты без этого, правда?

— Вроде могу.

Светлане первый раз дала попробовать водки ее бабушка, семилетней. Мать тоже выпивала, но при ней бабушка внучку не угощала, боялась. Училась Светлана более-менее нормально до шестого класса. Когда ей было тринадцать лет, как-то вечером двое семнадцатилетних парней из их же дома, встретив ее во дворе, пригласили на темную лестницу запасного хода и по-дружески угостили портвейном из горлышка. Они знали, что бабка и мать Светланы любят выпить, а стало быть, и девчонке туда дорога. Отца она не помнит, но от бабушки слыхала — «тоже пьянь». Он пропал где-то когда-то.

Мать и с работы приходила нетрезвая, и бутылку из своего магазина приносила. А бабушка и от себя бутылку выставляла. Мать напьется, нюни распустит, рыдает, Светлане пальцем извилисто указывает: «Мы пропащие, а ты не пей!» А потом стала к рюмке звать, и пошло...

Сначала отправили в психбольницу бабушку. Она была больной человек — настоящий алкоголик. Пытались образумить мать, но бесполезно. Допилась до умопомрачения, поместили в профилакторий на принудительное лечение. Окончательно осиротевшая Светлана осталась одна в двухкомнатной квартире. Вакуум быстро заполнился: от друзей и подруг не было отбоя. Соседи по лестничной площадке видели, что дело может кончиться плохо, сходили в милицию...

Так Светлана оказалась в детском доме. Ей было скучно, «балдеть» нельзя. Учеба не шла, все неинтересно. А там — отдельная квартира... Она убежала, и начался второй круг.

Подружки с парнями не замедлили явиться с «магом», водкой и вином. Двое суток в квартире стоял дым коромыслом. Наконец, соседям надоело...

Пьяная компания была доставлена в отделение милиции. Но все быстро проспались, а Светлану с похмелья трясло, никак не могла прийти в себя. Врач определил: нуждается в стационарном лечении. Ее отправили в больницу, в наркологическое. Лечили полтора месяца, и вот она здесь.

— Что же дальше, Светлана?

— Надо восьмой окончить.

— А потом?

— Работать пойду.

— Ты ведь отсюда в детдом?

— А куда же?

— Что тебе там не нравится?

— Да ну...— Машет рукой, но с улыбкой.

Что-то будет с нею через год, через пять? И кто поможет воспитателям детдома вернуть эту, может, не очень-то красивую, но такую симпатичную и, видно, добрую девчонку к нормальную жизнь?

Саша К.

Мать развелась с отцом, когда Саше сравнялось три года, так что, можно считать, отца в его мальчишеском мире не было вовсе. Понятие «отец» равнялось слову «алименты», то есть тридцати или пятидесяти рублям — когда как. Мать не слишком его баловала, но всегда содержала вровень с какими-то почитаемыми ею образцами, неведомыми Саше. В определенное время у Саши появлялась цигейковая шубка, когда надо — непромокаемые сапожки на литой подошве, когда надо — двухколесный велосипед. А позже — кроссовки «Адидас», японский магнитофон. Мама работала в парикмахерской и знала все порядки. А Саша прилежно учился, был уравновешенным ребенком и не огорчал маму. Он и квартиру помогал убирать и содержать в идеальном состоянии, хоть на конкурс. В шестом классе он еще не курил.

Год назад мама вдруг в какую-нибудь неделю заметно изменилась. Саша еще не умел определять возраст взрослых людей, и всякий старше тридцати считался у него стариком, но и он увидел, что мама сильно помолодела. Стала смеяться на обыкновенные слова, как девчата из десятого класса в их школе, и купила себе брюки в обтяжку, которые Саше почему-то не понравились.

Как-то вечером она предупредила Сашу, что завтра, в субботу, у них будет гость и чтобы Саша постарался быть вежливым и приветливым. Это для него не составляло труда, так как он всегда был приветливым.

Впервые мама раздвинула в комнате обеденный стол на всю длину. Впервые Саша видел на столе водку и шампанское.

Пришел плотный румяный дядя в синем костюме и желтой рубахе без галстука. Такой же молодой, как мама в ее новом виде. Он сидел, выпивал, ел красную икру и был вроде как усталый. А мама все подкладывала ему на тарелку. Саше не пришлось быть вежливым, потому что мамин знакомый, которого звали Константин, в его сторону ни разу даже не посмотрел. Когда Константин съел двух цыплят, мама предложила Саше сходить в кино, и он ушел. А вернувшись, гостя уже не застал и обрадовался.

Еще через неделю мама объявила, что Константин будет жить у них. Он сейчас в общежитии, там большие неудобства, ему очень плохо. Константин мастер на все руки, работает строителем. Он сам сделает прелестный диванчик из красного дерева и приладит его на кухне. Временно Саша будет спать на этом диванчике. Попозже Константину дадут комнату, они сменяют ее и эту однокомнатную квартиру на двухкомнатную, и у Саши появится своя изолированная площадь. Мама не сказала, что они с Константином уже ходили в загс, но это для Саши не имело значения. Он был не против.

Константин привез с собой на самосвале баян в черном ящике, чемодан с вещами и еще один предмет — одновременно и ящик, и чемодан, а в разложенном виде — и стул. Оказалось, это для подледного лова рыбы, сам делал.

В тот день и сломалась Сашина жизнь.

Однажды он пришел из школы, положил портфель в комнате на стол и прошагал на кухню — взять из холодильника пирожок. Договорился с ребятами насчет кино, времени в обрез.

У Константина был выходной, он сидел в махровом халате, который подарила ему мама, и пилил на своем баяне. Перестав играть, он посмотрел на башмаки Саши и неожиданно закричал тонким голосом, даже шея надулась:

— Скидавай! Тебе тапки на что?!

Саша был поборником чистоты и аккуратности, но не до такой степени, да и башмаки не грязные, на улице сухо, к тому же перед дверьми есть коврик для ног...

Он ничего не ответил дяде Косте, убежал в кино. А когда вернулся, дома его встретила разъяренная мать. Саша никогда еще такой ее не видел. Она назвала его щенком и заставляла извиниться перед Константином. Саша отказался. Она его хлестнула кухонной тряпкой по лицу. Ночью Саша первый раз в своей жизни плакал от обиды.

На следующей неделе у них в школе отменили урок физкультуры: заболел преподаватель,— и Саша пришел домой раньше обычного. Сунул ключ в дверь — не открывает. А в квартире никого не должно быть, все на работе. Затмение какое-то нашло на него. Может, воры? Начал жать на звонок, стучать в дверь ногой... Открыла мать, дернула его за воротник, втащила в прихожую, и по щекам, по щекам... А из комнаты Константин смотрел, ухмылялся...

В новогодние каникулы Сашино терпение кончилось. До этого были и другие неприятности, но по мелочи, а тут...

Собирались днем у Васильевой Нины почти всем классом: у них квартира большая. За Сашей — магнитофон и кассеты. Как назло, Константин был дома. Увидел, что Саша кладет кассеты в сумку: «Куда это?» Саша спокойно ответил: «Собираемся с ребятами». «А ну положь! — скомандовал Константин.— Нечего из дому таскать. Не сам наживал». И отнял кассеты, а магнитофон положил в шифоньер и запер на ключ.

До этого Саша никому ничего не рассказывал, а тут не выдержал, поделился с другом, Витькой Кузнецовым. И Витька его научил, как выкурить постояльца.

Ну кто он ему, этот Константин? Чужой мужик. Хоть бы разговаривал, а то явился и орет, командует. Пусть уходит, откуда пришел.

О том, что такое муж и жена и чем они между собой связаны, кроме спанья на одной кровати, Витька, так же как и Саша, не имел никакого понятия. В их глазах это ничему не могло препятствовать.

Вот сжатая хроника дальнейшего.

У Константина из рыболовного чемодана пропала блесна — серебряная, как он хвалился. Подозрение — на Сашу. Скандал. Пощечины. Тайно от Саши мать заявила на него в милицию: ворует. Инспектор по делам несовершеннолетних обещал обратить на Сашу внимание.

С короткими промежутками у Константина исчезли кожаные перчатки, пятерка и, наконец, электробритва, которой он не брился. Мать подала в милицию письменное заявление с просьбой принять соответствующие меры. Какие именно, она не указала, но в разговоре с инспектором разъяснила, что подразумевает детдом. Инспектор настоятельно советовал хорошенько подумать и не заводить дело столь далеко. Из беседы с Сашей инспектор вынес отчетливое понимание ситуации. Саша признался в кражах и сказал, что все, в том числе и пятерка, спрятано в резиновом сапоге на антресолях. Предметы и деньги вернули пострадавшему, но это дало результат, обратный ожидавшемуся: Саша получил от матери титул коварного змееныша. Инспектор взывал к материнским чувствам и просил подумать, не ослеплена ли она. Но тщетно. С тех пор Саше категорически запрещено переступать порог комнаты. Его вещи отделены. К общей трапезе он не допускается.

В апреле мать целую неделю носила продукты и бутылки. Организовывалось грандиозное пиршество в честь великого события — тридцатилетия Константина. Сорокалетняя молодая супруга вкладывала в подготовку весь свой нерастраченный пыл.

В торжественный день Саша совершил действия, достойные всяческого осуждения. Супруги же потребовали привлечь его к ответственности.

Саша без особого труда уговорил пятерых одноклассников пропустить уроки, обещав им взамен другие удовольствия. Он не скрыл от них своих истинных мотивов и целей и тем самым только увеличил их энтузиазм. Так как количество припасенных закусок и выпивки значительно превышало возможности шестерых восьмиклассников, Саша призвал на помощь более квалифицированных исполнителей — двух слесарей из ЖЭКа.

Только железное психическое и физическое здоровье спасло явившихся домой супругов от глубокой душевной травмы. Мать позвонила по ноль-два. Когда приехал наряд милиции, Саша разразился сатанинским хохотом. Опасались, не сошел ли он с ума.

Нет, он в полном порядке. Он до сих пор смеется при воспоминании о дне рождения.

Не торопитесь успокаивать себя надеждой, что история Саши — чудовищное исключение. Этот драматический треугольник «мать—ребенок—отчим» возник не вчера, но в последние годы он стал очень часто порождать в своих пределах ситуации и коллизии, безжалостно калечащие, уродующие судьбу детей. В классификации Клары Алексеевны подобные истории относятся к третьей категории.

Гена П.

Ему пять лет. За полтора месяца жизни в приемнике он подкормился, но все-таки ручки и ножки могли бы быть потолще. Чувствуется, что на хороших харчах это будет крепкий мужичок. Да его и сейчас, если бы одеть в тулупчик и подпоясать кушаком, всякий невольно бы называл мужичком. Ореховые глаза, цвета и блеска полированного ореха, смотрят спокойно и без робости. Речь его нетороплива, размеренна. Прежде чем молвить слово, обязательно поглядит на собеседника. А собеседник испытывает позыв обращаться к Гене на «вы».

Взяв предложенное яблоко и сказав «спасибо», Гена взвешивает его на ладошке, потом надкусывает — для пробы. Так делают, когда хотят показать свою разборчивость.

— Я такое яблочко уже ел.

Он сообщает об этом просто так, ни для чего. Но в расчете на то, что собеседник поймет как надо: яблочком Гену не удивишь. И не подлизнешься.

— А когда ты ел?

Повспоминав, определяет точно:

— На май.

На дворе конец октября.

— А кто угощал?

— Мамка.

— Она у тебя кто? Что делает?

Гена оживляется, даже теряет несколько свою степенность.

— Папка все грузит и грузит, а мамка после варит и варит, и в тарелочки накладает, и всем дает — кушайте.

— Погоди, Гена, что-то непонятно. Где твой папа работает?

— На железной дороге.

Гена все слова выговаривает правильно и без всяких сюсюканий, ему нравится каждая буковка, каждый звук. Беседа между людьми — это вам не игрушки. А мы — не бестолковые воробьи.

— А мама?

— В столовке. Все варит и варит.

Гена хочет сказать этим очень много: его мама — повар, а значит — достойный человек, кормить людей — важная работа. В его личном деле записано, что она судомойка столовой железнодорожного ОРСа, вернее, была судомойкой. Отец был грузчиком при столовой. Оба отправлены на два года лечиться от алкоголизма. Бессердечно и бестактно было бы расспрашивать Гену о родителях дальше, но он, не выдержав затянувшегося перерыва, сам продолжает беседу, развивая мысль о варке:

— Мамка картохи наварит, а папка ее бьет.

— Послушай, Гена, ты, говорят, в детдом собираешься?

Вздыхает:

— Ага.

— Ну что ж, это хорошо. Там у тебя друзья будут.

— В детдоме вместе гуляют.

— А ты что, всегда один гулял?

— Ага.

Пора прощаться. За Геной приехал директор детдома, где Гене предстоит жить ближайшие два года, а может, и больше. У директора, высокого седеющего мужчины интеллигентной наружности, лет пятидесяти, очень доброе лицо. Можно порадоваться за Гену.

Гена спускается со стула на пол, хочет поставить стул попрямее по отношению к столу, но он слишком для него тяжел.

— До свидания,— четко выговаривает Гена.

— Счастливо.

Надо бы рассказать о семнадцатилетней Лизе Н., чья мать, кинорежиссер, вышла второй раз замуж и уехала на Кавказ, о Лене Р., круглой сироте при живых отце и старшем брате, и о многих-многих других. Но это невозможно...

Безразличным благополучным людям спокойнее жить, не зная о таких вещах, но они должны знать и помнить: в детских домах и приемниках дети по ночам стонут, вздрагивают и плачут во сне,— а снятся им ныне не фашистские бомбежки и не глаза расстрелянных матерей.

Д. Левицкий. ПОРТРЕТ Н. А. ЛЬВОВА. 1785(?)

Государственный Русский музей.

Д. Левицкий. ПОРТРЕТ М. А. ЛЬВОВОЙ. 1781. Государственная Третьяковская галерея.

Федор СУХОВ

На ранней заре

ПОБЕДИТЕЛИ

Березовых пущин святые обители,
Они медовели своей земляникой,
Вернулись с великой войны победители
И сразу впрягли себя в плуг невеликий.

Переднего края великомученики
Горбатили потом политые спины.
Ах, эти поручики да подпоручики,
Верней, лейтенанты, сержанты, старшины.

И те рядовые былые окопники,
Те смертники, что умереть не успели,
Те воскрешенные кем-то покойники,
Что в огнеликой крестились купели.

Они, надрываясь, корежили непахоть,
Пожухли прилипшие к спинам рубахи.
А тут еще близкая чуялась непогодь,
Хвосты поджимая, скулили собаки.

Какие-то чуяли страхи. Таинственно
Метались сполохи по небу ночному.
И только одна нерушимая истина,
Она на мою снисходила урему.

Все, все перетрется, все, все перемелется,
Рассеются тучи, уляжется ветер.
Тепло-то, от солнца оно, не от месяца,
И свет-то во тьме возгорается, светит.

Весну возвещает, ее колобродину,
Приподнимает зарю-заряницу,
И умиляет лесную смородину,
И вдохновляет синичку-синицу.

И соловья полуночного радует,
Что затаился в глухом бересклете,
Что надрывается, яростно ратует
За мир во всем мире, за свет во всем
свете!

•

Прогрохал первый майский гром,
И первый майский дождь пролился.
Веселой тешутся игрой
Дождем обласканные листья.

Зеленые, вдруг зеленей,
Шустрее эти листья стали,
Слышнее чмокал соловей,
Глазной закатывал хрусталик.

Закатывался майский день,
Прощальной вечерел зарею,
Он остывал, он холодел,
Он багрянел своей золою.

И осыпались лепестки
Продрогших на ветру черемух.
Моей любви, моей тоски
Глубокий заугрюмел омут.

Приблизился к рудой сосне,
Пал на поля мои, на степи,
Нет, не черемух блеклый снег —
Дня закатившегося пепел.

И вроде не было дождя,
Его веселого гороха,—
Лишь был тяжелый вздох дрозда
Да филина зловещий хохот.

22 ИЮНЯ 1941

Не забываю и не забуду,
До гробовой не забуду доски,
Как к комариному долгому гуду
Липло дыханье зеленой тоски.

Грусти зеленой кукушечьи вздохи
Стыли на ранней рассветной заре,
Дух прошлогодней печеной картохи,
Он в неостывшей томился золе.

Он на ладони парнишки-подпаска
Вместе с рассветной зарей холодел...
Дивного утра волшебная сказка
Переливалась в ликующий день.

Расплыхался, зарделся шиповник,
Заполонил побережье реки.
Друг мой, мой сверстник, ты знаешь,
ты помнишь,
Как полошились в лугах кулики.

Как коростели истошно кричали,
Чуяли лезо отбитой косы,
Слышали голос великой печали
И грохотанье великой грозы.

Друг мой, мой сверстник, ты знаешь,
ты помнишь,
Как колотились в холстину тропы
По луговой проскакавшие пойме
Колокола лошадиных копыт.

Били в набат, нестихаемо били,—
Виделось полымя близкой беды.
Ясень тянулся к поникшей рябине
Возле речной посмурневшей воды.

И тополя, их пороша, их замять,
Напоминала она о зиме.
Иволги вдруг захлебнулись слезами,
Всей своей болью припали к земле.

К росстадям нашей былинной России
Крылья свои опустили они.
И голосили, и голосили
Все-то все ночи, все-то все дни...

БАТЫЕВА ДОРОГА

Днем — жара, а ночью — холоднó,
Будто опустился я на дно
Озера глубокого лесного,
Ну, а озеро-то, а оно,

А оно — как лешего окно —
Мурашит до дрожи, до озноба.

Звезды кажет, бездной звезд страшит,
Вроде белым снегом порошит
Млечный Путь — Батыева дорога,
Грады все, все веси полошит,
На суку березовом дрожит,
Спящая тревожится сорока.

Значит, что-то видится во сне —
Млечная пороша, млечный снег
Видится сороке-белобоке,
Чудится, как в этой белизне
Кто-то резво скачет на коне
Реактивно воющей эпохи.

Потому не удержать коня,
На земле восходят зеленя,
Нá небе заря моя восходит,
Светом прозревающего дня
Овевает, радует меня,
Прикасается к речной колоде.

Восходящую свою красу
Приближает к чуткому дрозду,
Волочит к мышиному гороху,
Ронит под ноги и не росу,
Не зарокотавшую грозу —
Млечный Путь — Батыеву дорогу.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Восходит луна над замшелым курганом,
Она освещает кромешную темь...
Приподнимается тень Шурукана,
Маячит Боняка тоскливая тень,
Глядит, озирает раскосо, погано
Какие-то вежи, какой-то плетень.

Кончак на свои половецкие вежи
Глядит под ущербной, унылой луной,
Глотает полыни пахучую свежесть,
Дурманит себя незабудкой степной.
А волчьи яруги, а пущи медвежьи
Пугают зловещей ночной тишиной.

Тревожат мои неутихшие раны,
Все будит мою незажившую боль,
И слышится горестный плач Ярославны,
Рыдает живая, святая любовь,
Луна освещает немые курганы,
Печалит колосья несжатых хлебов.

Холóдит вилюжины малых проточин,
Знобящей вологой бусит, моросит,
Как будто весь мир, весь-то свет заболочен,
Он дивом каким-то вопит, голосит...
А может, нагрянула ранняя осень,
Она по дорогам степным колесит?

А может, вопит Ярославна? А может,
Ее журавли ронят жалостный всхлип?
Проточины хмурит, проточины морщит,
Туманят они свой остуженный лик,

Приподнимают знобящую морось
И опускают на галочий крик.

На воробьиную радость рассвета
Ложатся тяжелые капли росы,
Стекают с печально опущенных веток
Моей неприкаянной, хрупкой лозы,
Что жарко пылает от жгучего ветра,
От Ярославлиной жгучей слезы.

●

Не усну я: опять соловьи
Сумасшествуют зорями ранними,
Дуют в лешевы дудки свои,
На возвышенной буйствуют рамени.

Поднимаюсь, иду на зарю,
Пробираюсь к веснушкам орешника,
Я ивана-да-марью зову
Из лесного сухого валежника.

Но поди дозовись, докричись —
Спят чащобы лесной обитатели,
Сладкий сон их так светел, так чист
Возле вечного сна моей матери.

И тогда-то обрушился гром
Неразгаданного сумасшествия,
Над кладбищенским древним бугром
Превеликое грохало бедствие.

Будто тройки лихой бубенцы
Приближались к всесветной погибели.
Чьи-то матери, чьи-то отцы
Над своими восстали могилами.

Я и сам перед ликом зари
Прячу лик свой в колючем шиповнике...
А виною всему соловьи—
Сумасшедшие эти разбойники.

●

Заливается зяблик. На ранней заре
Влажен посвист возвышенной грусти.
Не на небе — на грешной земле
Возвышаются райские кущи.

Зацветают черемухой. И потому
Заугрюмели полые воды.
В белой холоди, в белом дыму
Пребывают мои огороды.

Стынут яблони белой персты,
Розовеют от холоди этой.
Все слышнее звенят бубенцы
На невидимой сбруе рассвета.

На его быстроногом коне
Серебрятся студеные росы.
Тихо-тихо подходят ко мне,
Как больничные сестры, березы.

Милосердно глядят на меня,
На мои незажившие раны...
Не пойму: то ли гриву коня,
То ль дремучие вижу туманы?

Пал на полые воды туман,
Я и сам пребываю в тумане.
То ли Кинешма, то ль Кострома
Теремами высокими манит.

Я отважусь, возьму да войду
В расписной белокаменный терем,
Про свою позабуду войну,
Про свои позабуду потери.

Позабуду обиды свои,
Ничего-то не помню, не знаю,
Только зяблики да соловьи
По всему по приволжскому краю.

Громыхают на ранней заре
С известковой возвышенной кручи.
Не на небе — на грешной земле
Возвышаются райские кущи.

с. Кр. Осёлок,
Горьковская обл.

Во время съемки испытаний взрывчатки Лоуэлл похитил два заряда и скрылся. Затем он уничтожил паспорт режиссера Карсона и выкрал из кабинета конгрессмена Медуика документы, изобличающие того во взяточничестве. Тогда же он написал письмо заместителю помощника министра юстиции Уильямсу. В нем Лоуэлл угрожал смертью Уильямсу, Карсону, Медуику, маклеру Меллону, красавице Стефани Сполдинг, тренеру Уорнки.

Ночью Медуик поехал к Лоуэллу после его звонка, чтобы выкупить украденные документы. На обратном пути он гибнет в устроенной Лоуэллом автомобильной катастрофе. Поняв, что в наибольшей опасности сейчас находится Карсон, Уильямс принял, казалось бы, все меры предосторожности. Но во время их встречи в отеле Лоуэлл сумел выманить Уильямса из номера и убил хорошо охраняемого Карсона.

Телевидение и печать извещены о преступлении. Агенты безопасности перекрыли все аэропорты. Однако Лоуэлл выскользнул из ловушки и готовит убийство маклера Меллона.

Теперь за Лоуэллом начинает охотиться тайная организация крайне правых, существующая в высших правительственных сферах, к которой он привлекает внимание общественности, называя себя именами ее членов.

Джозеф **ДИМОНА**

РОМАН

16

Ричардсон держался стойко. Заспанный врач пришел в номер и перевязал его. Пуля пробила мышцы, не задев кость. Ричардсон даже не поморщился, когда врач зондировал рану и накладывал швы. Тем временем Уильямс позвонил сперва Макгреди, потом в ФБР, оттуда доложили, что убийца не найден. Он сказал, что раненый — его помощник из министерства юстиции и что врач уже оказывает ему помощь.

И вот в три часа ночи они сидели в номере у противоположных стен. Уильямс держал пистолет на коленях. Он понимал, что даже с рукой на перевязи Ричардсон опаснее целого взвода убийц.

— На этот раз вы сглупили,— сказал Уильямс.

В ответ послышалось лишь ворчание.

— Вы Джефф Болтон?— спросил Уильямс.— Тот человек, что прислал мне письмо?

— Нет, черт возьми.

— Тогда почему вы хотели убить меня?

— Мне нужно позвонить,— сказал Ричардсон.

— Нужно, но не хочется, так ведь? Если ваши люди узнают о случившемся, вам не поздоровится. Мне кажется, вы затеяли это на свой страх и риск.

— Почему?

— Ни прикрытия. Ни наблюдения. Ни помощников. Почему вы хотите убить меня, Карл Ричардсон?

Тут Ричардсон посмотрел на него более пристально.

— Ага, значит, вы знаете. Ну и что?

— Итак, вы погибли при воздушной катастрофе во Вьетнаме пять лет назад. Очень странно видеть вас живым и здоровым.

— Тьфу ты,— сказал Ричардсон.— Бросьте этот детский лепет. Вы же понимаете, что катастрофа — просто заметание следов.

Уильямс говорил спокойно, но держал пистолет на коленях и был предельно насторожен.

— Вы сегодня сделали очень «умный» ход, Ричардсон. Не думаю, что ваше начальство будет довольно, узнав о нем. Поэтому я заключу с вами сделку...

— Никаких сделок.— Тон был резким, категоричным.

— Я могу выдать вас полиции, сделать заявление для прессы, что вы на меня напали, — и вашей карьере конец. Навсегда.

— Или?

— Или можете рассказать мне все, что знаете о Болтоне, и быть свободным.

На лице Ричардсона отразилось искреннее удивление.

— И это все?

— Из шести убито двое. Я должен найти Болтона, пока он не совершил очередного убийства.

Ричардсон, очевидно, соображал быстро. Уильямс понимал, что ему нужно вырваться из этой ловушки хотя бы затем, чтобы снова стрелять в него.

— Но вы не можете меня отпустить,— сказал Ричардсон.— Сегодня я пытался убить вас. И могу попытаться снова.

— Рискну,— сказал Уильямс.

— Если я расскажу все, что знаю о Болтоне, вы будете настолько глупы, что отпустите меня?

— Совершенно верно.

Ричардсон откинул голову назад и задумался. Потом сказал:

— Хорошо, расскажу. С какой стати Болтон пошел в «зеленые береты», мне никогда не понять.

17

11 февраля 1964 года. Аллен Лоуэлл прошел по коридору ЮСИА в кабинет своего начальника Джима Карсона. Карсон просматривал на свет кусок 16-мм пленки; увидев Аллена, он положил пленку на стол.

— В чем дело, Аллен?

— Хочу поблагодарить вас за то, что дали мне здесь работу. Мне очень понравилось редактировать фильмы.

— Ты увольняешься?

— Видите ли, меня должны призвать в армию, но я не хочу дожидаться призыва. Я вступаю в «зеленые береты».

Карсон свистнул. Потом сказал:

— Не спеши, малыш. Там будет несладко.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—45.

Если призовут, я могу устроить тебя в армейский киноцентр в Нью-Йорке, будешь наслаждаться жизнью в большом городе и нести службу.

— Я хочу нести службу по-своему.

Карсон оглядел худощавого восемнадцатилетнего парня.

— Не обижайся, Аллен, но, по-моему, в «береты» ты не годишься.

— Буду тренироваться. Я еще расту.

Карсон сдался.

— Поступай, как считаешь нужным, но я все же не понимаю тебя. Почему «береты»?

— У вас это есть в фильме,— ответил Аллен.— Президент Кеннеди сказал «беретам»: «Носите их как символ чести».

— Извини за грубость,— сказал Карсон,— но Кеннеди мертв, и ты, если пойдешь в «береты», тоже можешь оказаться на Арлингтонском кладбище.

— Если за Америку, то пусть.

Карсон ждал, что парень улыбнется, но он не улыбнулся. Через минуту Карсон сказал с неловкостью:

— Что ж... Я восхищен твоим образом мыслей, малыш. Теперь, когда Кеннеди нет, я тоже ухожу отсюда.

— Чем же вы займетесь?

— Попытаю счастья в Голливуде. Конечно, это совсем не то, что твое решение,— торопливо добавил он.

Но Аллен сказал лишь:

— Я увольняюсь в пятницу. Вы обеспечите расчет и все прочее?

— Не волнуйся.— Он пожал парню руку.— Желаю удачи, Аллен. Береги там себя. Если в Голливуде мне повезет, свяжись со мной, когда отслужишь, я постараюсь помочь тебе вернуться в кино.

Четыре года спустя Аллен написал Карсону, что он в Голливуде, нездоров и ищет работу. Карсон, как и следовало ожидать, не ответил.

18

ИЗ РАСШИФРОВКИ ЗАПИСАННОГО НА ПЛЕНКУ РАЗГОВОРА МЕЖДУ КАРЛОМ РИЧАРДСОНОМ И ДЖОРДЖЕМ УИЛЬЯМСОМ, ЗАПИСЬ СДЕЛАНА БЕЗ ВЕДОМА ОТВЕЧАЮЩЕГО.

РИЧАРДСОН. Должен сразу же сказать, что не знаю его настоящей фамилии. В документах ни у кого не было настоящих фамилий. Поступив в эту контору, я назвался Карлом Ричардсоном.

УИЛЬЯМС. Джефф Болтон служил в ЦРУ?

РИЧАРДСОН. Не совсем.

УИЛЬЯМС. Я не понимаю. Либо служил, либо нет.

РИЧАРДСОН. Маркони, Гринвуд и я были во Вьетнаме в одном отряде. Шли туда, где были нужны, занимались чем требовалось — допросами, разведкой. Работа эта тяжелая. Легкой у нас не бывало. На мой взгляд, Маркони и все остальные были героями. И все люди конторы, нас там были сотни, занимались самой грязной работой. Потом один из наших был убит, а у нас была срочная работа за линией фронта, и я попросил у командира пехотинцев на время одного человека.

УИЛЬЯМС. Как его фамилия?

РИЧАРДСОН. Маркони пошел в один из взводов и, по-моему, выбрал первого попавшегося. Настоящей его фамилии я не знал. Незачем было. Мы снабдили его документами на имя Джеффа Болтона.

УИЛЬЯМС. Постойте, постойте! Фамилия пехотного командира? Он должен помнить настоящую фамилию Болтона.

РИЧАРДСОН. Он погиб. Это, правда. Напоролся на мину. Но я понимаю, к чему вы клоните. Номер части. Черт возьми, что это была за часть? (Пауза на пленке.) Бригада, расположенная возле деревни Чу Лай двенадцатого сентября шестьдесят седьмого года. Ерунда, ничего из этого не выйдет.

УИЛЬЯМС. Выйдет, если есть запись о переводе солдата в другую часть.

РИЧАРДСОН. ЦРУ уничтожило бы запись о Болтоне.

УИЛЬЯМС. Все же мы проверим. Продолжайте.

РИЧАРДСОН. Командир отдал нам этого «берета», тощий был, жилистый, с виду неказистый. Но отличный солдат.

УИЛЬЯМС. Как это понять?

РИЧАРДСОН. Умный. Чего недополучил в телосложении, было в мозгах. И смелый. Однажды мы ставили мины на дороге, ведущей к резиденции одного вьетконговского начальника. Хижина пустовала, но мы знали, что он вскоре вернется туда с друзьями... Вдруг спереди по нас открыли с трех сторон пулеметный огонь. Деваться было некуда. А Болтон взял мину, которую собирался установить, и выкинул странную штуку. Бросил ее высоко в воздух в сторону чарли, и упала она прямо перед ними. Но не взорвалась. Это был отличный трюк, болтоновский трюк. Он применил его первым.

УИЛЬЯМС. С какой целью?

РИЧАРДСОН. Во-первых, эти чарли были зачарованы летящей миной. Они перестали стрелять и бросились в укрытия, но это еще не все. Когда мина шлепнулась, они минут пять глядели на нее, выжидая, пока она взорвется, а мы тем временем улизнули оттуда. Если бы она просто взорвалась, кое-кто бы погиб, но остальные продолжали бы наступать. Стоящий парень этот Болтон. Правда, он ненавидел меня.

УИЛЬЯМС. Почему?

РИЧАРДСОН. Он был настоящим сумасбродом, э... вы, очевидно, назвали бы его идеалистом. Все остальные в отряде были... консервативными.

УИЛЬЯМС. Олимпийцами?

(Пауза на пленке.)

УИЛЬЯМС. Я уже знаю. Так что продолжайте.

РИЧАРДСОН. Об олимпийцах мне ничего не известно. Знаю только, что мы были сторонниками, как вы это называете, «жесткой политики», а Болтон считал, что, воюя во Вьетнаме, он принесет какую-то пользу человечеству или что-то в этом духе, и ему очень не нравилось то, что он видел или в чем, оказавшись среди нас, принимал участие. Признаю, что остальные недолюбливали Болтона. На него, можно сказать, ополчились — заставляли делать всю грязную работу.

УИЛЬЯМС. Например?

РИЧАРДСОН. Пытки.

УИЛЬЯМС. Вы заставляли его пытать пленных, единственного человека, который не желал этого делать?

РИЧАРДСОН. Война есть война. Он сам пошел в «береты». Никто не просил его.

УИЛЬЯМС. Но вы затащили его в свой отряд ЦРУ, и он увидел, что тут идет совсем другая война.

РИЧАРДСОН. Да.

УИЛЬЯМС. Он не протестовал?

РИЧАРДСОН. Протестовал? Он удирал три раза. Но от «конторы» во Вьетнаме не убежишь. Некуда. А когда узнал, что за дезертирство можно пожизненно попасть в тюрьму, притих и остался с нами.

УИЛЬЯМС. Бедняга.

РИЧАРДСОН. Что с вами, Уильямс? Этот парень хочет убить вас, забыли?

УИЛЬЯМС. Расскажите, чем завершилась история этого Болтона. Как он покинул ваш отряд? Куда ушел? Какую новую фамилию взял?

РИЧАРДСОН. Началось все это в дождь возле деревни Лон Син из-за того гада, Ху Линга. Он был двойным агентом. Мы его разоблачили.

19

Дождь барабанил по зеленым листьям манго, шуршал в кустах и превращал землю в жидкую грязь. Аллен Лоуэлл лежал в палатке неподалеку от деревни Чу Лай, поглядывал на Гринвуда, этого болвана и подлизу, спокойно храпящего, положив руку под голову, и думал, как было бы просто вонзить нож ему в сердце или перерезать горло, но тут клапан палатки открылся и вполз промокший до нитки Маркони.

— Что за проклятая ночь,— сказал он,— Ху Линг сбежал. Мы пять часов гонялись за ним впустую.

— Откуда ты сейчас?— спросил Аллен.

— Меня вызывал командир. Сказал, что завтра вылетаем в Лон Син.

— Зачем?

Маркони стянул мокрую одежду и в одних трусах полез в спальный мешок.

— Говорит, что Ху Линг подастся туда. Ближайшая деревня.

Аллен лежал на спине, глядя на брезент, провисший под тяжестью воды.

— Тебе не место среди этого сброда, Джо.

Маркони повернулся на бок, лицом к нему.

— Смешно слышать это от тебя.

— Давай завтра убежим вместе.

Маркони с минуту молчал, потом улыбнулся.

— Послушай, Ричардсон называет тебя сумасшедшим, и я начинаю верить, что он прав. Ты удирал уже три раза, но куда убежишь во Вьетнаме? Улететь отсюда невозможно. Так что успокойся, малыш. Я давно тебе это говорю. Рано или поздно придет твоя очередь, вернешься в Штаты, и все эти мелкие... неприятности забудутся.

Аллен улыбнулся.

— Неприятности, да.

— Давай-ка спать,— сказал Маркони.

— Ты забыл об одном,— сказал Аллен.— Мы уже не в «беретах». Здесь нет ни регулярных отпусков, ни периодов отдыха и возвращения в Штаты через полтора года. Мы выполняем особую задачу.

— Война — это ад,— сказал Маркони и уснул.

Аллен до рассвета смотрел на клапан палатки и потом задремал. Когда он проснулся, Ричардсон уже вызвал вертолет, и после завтрака они снова отправились убивать.

Летчик показал пальцем вниз.

— Бой начался.

Все стали смотреть в иллюминаторы правого борта и увидели внизу стрельбу. Пехотинцы били из минометов, в зарослях вздымались клубы дыма от взрывов.

— Проклятие,— сказал Маркони за спиной Аллена,— они слишком далеко! Черт знает где от Лон Сина.

Сидевший впереди Ричардсон обернулся. Он был одет в мундир «зеленых беретов» с патронташем и гранатами.

— Трусишь?— спросил он у Маркони.

— Что вы, сэр.

— Хочешь провести здесь еще два года без отпуска?

— Нет, сэр.

— Тогда будь паинькой и помалкивай.

Но даже подлиза Гринвуд шепнул Лоуэллу:

— Видать, он спятил из-за этого Ху Линга.

В деревне, состоящей из беспорядочно разбросанных, соединенных тропинками хижин, они сверху увидели движение. Шли женщины и дети, вол тянул повозку, они увеличивались в размерах, когда вертолет стал опускаться у крайней хижины; когда он совсем снизился, с земли поднялись громадные тучи пыли. Все выскочили вслед за Ричардсоном, пробежали несколько шагов, залегли и открыли прикрывающий огонь, но на выстрелы никто не отвечал. Какая-то женщина в соломенной шляпе торопливо скрылась в хижине. Ричардсон жестом подал команду, и они пробежали вперед, залегли и снова открыли огонь. На сей раз был ранен и повалился иссохший старик, вышедший из-за хижины посмотреть.

Они пролежали целых две минуты, потом Ричардсон сказал через плечо:

— Наверно, там никого нет.

Пригибаясь, они побежали к деревне, миновали хижины с укрывшимися там людьми и вышли на деревенскую площадь. Ричардсон приказал согнать туда жителей. Когда они согнали группу злосчастных женщин, детей и стариков, с южной стороны, все приближаясь, послышалась стрельба и вой осколков. Потом стрельба приблизилась совсем, и Ричардсон внезапно приказал Гринвуду: «Покарауль их здесь. Мы отойдем». Аллен увидел, как побледнел Гринвуд от страха, что его бросят, но «береты» кинулись к южной стороне деревни и залегли в тихой роще; стрельба по-прежнему раздавалась в нескольких сотнях ярдов, потом внезапно из-за кустов показалось двадцать с лишним человек в пижамах; они находились спиной к Ричардсону, оружие их было направлено в лес, Ричардсон встал, навел на них пулемет и крикнул:

— Бросай оружие!

Вьетнамцы обернулись, никто из них не выстрелил. Лоуэлл сразу же увидел Ху Линга с выкатившимися от страха глазами.

Они бросили оружие и пошли под конвоем американцев на сельскую площадь; Аллен и остальные встали, наведя автоматы на безоружных людей и недоумевая, что же намерен Ричардсон делать дальше. Им полагалось сдать пленных пехотинцам, когда те подойдут, и получить награду. Но Аллен знал Ричардсона. Ричардсон не хотел иметь свидетелей того, что должно было произойти.

Взгляд Лоуэлла привлек младенец на руках у женщины. Он высоко поднял ручонки и размахивал ими. Аллен взглянул в умоляющие лица стоявших перед ним молодых вьетконговцев, стариков и женщин с детьми, это была картина, которую никогда не забыть, такая отвратительная сторона войны, что к глазам подступали слезы. И тут Ричардсон сказал ему: «Я застрелю Линга, а ты перебей остальных»,— вытащил из кобуры «люгер», которым очень гордился, и выстрелил Лингу сперва в пах, а когда тот согнулся от боли, в голову. «Стреляй! Стреляй!»— крикнул он Аллену, но Аллен не мог нажать на спуск, не мог шевельнуть рукой и сказал Ричардсону: «Поручите другим! Я не в силах!» А Ричардсон ответил: «Стреляй живей,—и, пока не подошли пехотинцы, добавил:—Стреляй, а то навсегда останешься в этом отряде». И Аллен начал стрелять, поражая людей в грудь и в лицо, они с криками стали падать на землю, услышав это, американские пехотинцы вбежали в деревню, и один из них, негр, поглядел на Аллена с отвращением и презрением. Ричардсон, поняв, что этот инцидент станет известен и повлечет за собой массу неприятностей, в бешенстве погнал своих людей бегом к вертолету.

Потом, когда вертолет уже поднялся, Аллен подошел к Ричардсону, схватил его за горло и стал душить. Ричардсон, побагровев, силился оторвать стальные пальцы от горла, в конце концов Маркони с Гринвудом оттащили Аллена, повалили на пол и прижали его коленями; он бился, пытаясь вырваться, проклинал себя, что не застрелил Ричардсона, потом истерически разрыдался.

На другой день Ричардсон с улыбкой пришел к нему в госпиталь.

— Твое желание сбылось, парень. Ты возвращаешься домой.

Аллен тупо поглядел на него.

— На оформление бумаг уйдет три дня,— весело сказал Ричардсон.— Но это — почетное увольнение.

— Нет,— сказал Аллен.— Я останусь и убью вас.

— Не советую,— ответил Ричардсон.— А когда вернешься в Штаты, рекомендую помалкивать. Иначе наживешь неприятностей.

— Почему?

— Вчера на глазах у солдат Джефф Болтон совершил массовое убийство. Теперь я придумал, как прикрыть это дело. Ты будешь убит. Мною.

Аллен молча смотрел на него. Ричардсон сказал:

— Это легенда на тот случай, если кто-нибудь поднимет шум. Поэтому возвращайся домой, как паинька, возьми свою прежнюю фамилию и навсегда забудь о вчерашнем.

Но вернулся Аллен не так уж скоро. В тот же вечер после ухода Ричардсона он попытался совершить самоубийство, проглотив целый пузырек снотворных таблеток, прописанных лежавшему на соседней койке сержанту, но ему промыли желудок и спасли. На другой день блондин-психиатр с усиками и пышной шевелюрой начал с ним десятидневную серию бесед.

Однажды после беседы психиатр пил кофе со своим коллегой.

— Как этот парень?— спросил коллега.

— Обычная история, изнурение, стресс, ненависть к командиру.

— То есть ничего особенного.

— Только вот бред. Твердит, что ходил с «беретами» в разведку, пытал и убивал пленных. Обычная компенсация для людей его типа.

— Из какой он части?

— Кинོредактор из пятого отдела. Боев и в глаза не видел. В документах все указано.

Блондин оторвался от чашки и проводил взглядом медсестру в зеленом халате.

— Черт, я бы от нее не отказался.

Но его коллега все же не потерял интереса к тому пациенту.

— Раз у него такой бред, может, подержать его здесь, пока он не придет в себя.

— У нас на счету каждая койка,— сказал блондин.— Поэтому я отправляю его домой. В родном городе, в кругу семьи он за несколько дней придет в норму.

— Пожалуй,— сказал другой психиатр.— А вдруг нет?

20

— Откуда вы знаете о разговоре психиатров?— спросил Уильямс.

— Блондин был нашим человеком.

— Значит, вы представили парня-идеалиста психически больным?

— Думайте по этому поводу, что хотите,— сказал Ричардсон. Он уже держался и говорил с полной непринужденностью.— На мой взгляд, парень выполнял свой долг перед страной. А если ему было тяжело, если он страдал — черт с ним, он не единственный.

— Все же я хочу получить сведения о нем: откуда он, кто были его друзья. Должно быть, за то время, что парень пробыл у вас, вы кое-что слышали.

— Не слышал ничего. Он в первый же день возненавидел меня. И Гринвуда. Общался с ним только Маркони, потому что и сам чем-то напоминал Болтона. То есть ему тоже не нравилось кое-что, чем мы занимались. Но дезертировать он не пытался, могу вас в этом уверить.

— Что ж, может, для вас это окажется новостью — Болтон вчера был в Торонто и выправил себе фальшивые документы на имя Маркони.

— Слышал,— злобно сказал Ричардсон.— Сукин сын. Он делает как раз то, что нужно вам, впутывает нас в эту историю, чтобы навести на наш след. Слушайте, Уильямс, у меня тоже есть новость для вас. Мы ищем этого сумасшедшего так старательно, как и вы.

— Почему?

— Вам мы ничего не скажем, Уильямс.

Уильямс подался вперед и резко сказал:

— Перестаньте, Ричардсон, не то завтра же эта пленка будет в ЦРУ и вам придется искать другую работу.

— Пленка? Гад! У нас же договоренность.

— Договоренность сохраняется,— сказал Уильямс.— Но вы утаиваете сведения.

Ричардсон выглядел уже не так уверенно. Лицо его покрылось испариной.

— Вы записали весь разговор на пленку? И после этого хотите, чтобы я говорил?

— Иначе смерть,— сказал Уильямс. Он поднял пистолет и навел его в переносицу Ричардсону. И странное дело, это была не просто угроза. Он охотно убил бы этого садиста.

— Выключите запись,— сказал Ричардсон.

Уильямс опустил руку под стул и нажал кнопку.

— Ну, лживый гад, в нашу договоренность входит выключение магнитофона?

— Да,— сказал Уильямс.

— Ладно, преподам вам несколько уроков. Во-первых, эти убийства Болтона не имеют отношения к нам. Они связаны с Кеннеди. Болтон был без ума от Кеннеди, когда попал к нам во Вьетнаме. Черт, он даже носил при себе фотографию, где был снят с ним...

— Он был снят с президентом?

— Да, но не волнуйтесь. Этому парню однажды удалось попасть на большой прием в Белом доме, и президент произвел на него такое впечатление, что Болтон подошел к нему, заговорил и кто-то заснял их.

— Что он говорил о Кеннеди?

— А, обычную левацкую чушь. Что у Кеннеди были идеалы, понятные молодым. Что он пробуждал в них желание трудиться и даже сражаться ради своей страны. И все это так вдохновенно. Мне надоело это слушать. В конце концов я послал его вместе с Кеннеди кое-куда.

— Как можно было сказать ему такое?

Ричардсон покосился на Уильямса.

— Я и забыл, что передо мной сидит такой же миссионер.

— Говорил Болтон, как попал в Вашингтон и стал работать для той администрации?

— Еще бы! Я десяток раз слышал, что с его тетушкой случился удар, когда он отправился в Вашингтон работать для этих левых. Тетушка понимала что к чему. Но Болтон выслушал инаугурационную речь, пришел в восторг — и прощай, тетушка, привет, Вашингтон, боже, храни короля.

— Хорошо,— сказал Уильямс.— Почему вы ищете Болтона?

— Из-за в а с,— сказал Ричардсон.— Вы втягиваете ЦРУ в историю, к которой мы совсем непричастны. И ненавидите нас! Нам это известно.

Он подался вперед.

— Вот что я скажу вам, Уильямс. Вы на ложном пути. Забудьте об олимпийцах! Черт возьми, если бы Болтон хотел отомстить за то, что было с ним во Вьетнаме, он бы искал меня, а не шестерых поклонников Кеннеди.

— Но он считает, что вы погибли во Вьетнаме.

Ричардсон промолчал, и Уильямс резко взглянул на него.

— Выходит, он з н а е т, что вы живы. Вы его видели? К о г д а?

— Не знаю, что он знает,— ответил Ричардсон после паузы,— но я знаю, что он хочет убрать шестерых незнакомцев к годовщине Кеннеди — а вы обвиняете ЦРУ! ЦРУ не интересует его, Уильямс. Е м у н у ж н ы вы!

— Хорошо,— сказал Уильямс.— Это все.

— Не все,— возразил Ричардсон.— Мне нужна пленка.

Уильямс встал.

— Убирайтесь, Ричардсон. Моим условием было, что вы свободно уйдете отсюда, и я его выполняю. Но когда вам снова захочется стрелять в меня, вспомните об этой пленке. После получения ЦРУ на другой же день подыщет вам конторскую работу где-нибудь в Уганде.

Ричардсон в бешенстве вышел.

Уильямс стал готовиться ко сну. Теперь он точно знал, что Джефф Болтон душевно нездоров; об этом позаботились садисты из «зеленых беретов». И этот душевно больной парень носил с собой фотографию, где был снят с Кеннеди. Значит, он б ы л приверженцем Кеннеди; здесь была связь с угрозой убийств к годовщине со дня смерти президента.

Но в чем же эта связь? Ричардсон попал в точку. Уильямс проверял нити, ведущие к ЦРУ, а угроза касалась шестерых приверженцев Кеннеди, а не головорезов-олимпийцев. Почему?

Ну и дело! Ну и головоломка! Уильямс не мог ни к чему подобрать ключ. И чувствовал себя совершенно разбитым, совершенно беспомощным.

Завтра он вылетит в Вашингтон и просмотрит показания Маркони, но надежды на них мало. Что мог сказать Маркони такого, чего не говорил Ричардсон?

Усталый Уильямс принял душ, надел пижаму и, вместо того, чтоб лечь в постель, сел в кресло и снова открыл портфель. Он понимал, что заснуть все равно не сможет. Зачем же зря терять время на попытки?

В портфеле были досье на все жертвы. Он достал их и разложил на столе. Что еще? Копия угрожающего письма, копия записки Медуика о самоубийстве, копия пленки с отфильтрованным голосом Болтона. Сводка НИЦ ФБР по фамилии Болтон, не открывающая ничего.

Уильямс еще раз перечел отпечатанную компьютером бумагу. Последний абзац гласил:

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ДЖЕФФРИ БОЛТОН, МЕРИЛЕНД, БАЛТИМОР, МАРЛТОН АВЕНЮ 1340, ВЫБЫЛ, НЕ ОСТАВИВ НОВОГО АДРЕСА. КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПОИСКИ ВЕЛИСЬ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ, НАЛОГОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ И МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ. РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР — 0130799482.

Уильямс долго разглядывал этот номер. У компьютеров свой загадочный мир, где цифры заменяют плоть, заменяют кровь, заменяют все.

Стрелки его часов показывали два. И все-таки он позвонил в НИЦ.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

См. стр. 16.

НА СПИДОМЕТРЕ — XXI ВЕК

манипуляторами. Геннадий окончил техникум морского приборостроения, стал макетчиком.

В общем, обычная биография обычных ребят.

—Но надо ставить перед собой большую, интересную цель, уметь отказываться от всего, что мешает идти к ней, — одна из жизненных заповедей Хаинова.

Они нашли свою цель. Увидев осенью 1981 года на ленинградских улицах кавалькаду разноцветных самоделок—автопробег журнала «Техника — молодежи», переглянулись, вспомнили свои мальчишеские рисунки фантастических автомашин. Кто из ребят не рисовал их, не мечтал когда-нибудь обзавестись чем-то похожим? Эти мечтами не ограничились — засучили рукава... Должен признаться, что при всем своем уважении к самодельщикам, довольно сдержанно отношусь обычно к их произведениям. Даже если незаурядные технические данные машин признаны специалистами.

Смущает, как правило, отделка. Издали, а тем паче на черно-белой фотографии, оно вроде все красиво, гармонично, нарядно. А представится случай подойти поближе, вглядеться попристальней, и сразу глаза начинает царапать разная мелочь: тусклая краска, грубые сварочные швы, невесть почему торчащие болты, мешковатая обивка.

Так вот этих-то раздражающих мелочей, по сути, и нет в машине Парфенова и Хаинова. Взгляните хотя бы на приборную панель. Она не куплена по случаю, не от «мерседеса», «вольво» или иной престижной иномарки. Она сделана. С любовью, необыкновенной тщательностью, как, собственно, и все в этом нестандартном, рассчитанном на пять человек салоне.

В нем и уютно, и удобно, и... удивительно. Тут нет обязательного вроде бы замка зажигания, нет ручек на дверцах, не видать привычных стрелочек на приборном щитке. Множество операций взяла на себя электроника: с ее помощью открываются двери, контролируется готовность двигателя к работе; бортовой компьютер с точностью до 5 сантиметров определит пройденное расстояние, вычислит время пути, остановок... Вообще неожиданностей (приятных, разумеется) в машине немало. Подробный рассказ о них, о том, какие именно технические новшества применили ребята в своем первом в стране самодельном автомобиле с передним приводом, какие узлы и детали сконструировали по-своему, безусловно, интересен и поучителен. Оставим, однако, эти подробности специальным изданиям, зададимся иным вопросом. Сотни и сотни тысяч тратят ведущие фирмы только на проектирование новых машин, миллионы стоят первые опытные образцы. Как же Парфенову и Хаинову удалось уложиться в три года, обойтись весьма скромными суммами, выкроенными из их зарплат? К тому же делали они не одну, а две машины сразу.

— Голь на выдумки хитра,— смеются ребята. В шутке немалая доля правды: не семь — семьдесят семь раз приходилось подумать, отмерить, прежде чем отрезать кусок, скажем, стеклоткани или израсходовать лишние сто граммов эпоксидки. Острейший дефицит материалов постоянно вносил свои коррективы во все задумки. Технология получилась практически безотходной, но невероятно трудоемкой: представьте хотя бы, что такое четырнадцать (!) раз ошкурить корпус.

Дырявые стены сарая, сквозь которые кое-где проглядывает пожелтевшая листва окрестного кустарника, украшены плакатами, рекомендующими соблюдать дисциплину, не вредить здоровью никотином, не допускать брака, ценить минуту, за которую в стране производится 2,5 миллиона киловатт-часов электроэнергии, более 280 тонн стали, свыше 200 тонн минеральных удобрений и т. д.

Не знаю, случайно ли, обдуманно ли подобраны плакаты, но факт: ребята не курят, не знаются с вином и ни разу за эти годы не нарушили жесткий, напрочь отсекающий все мирские соблазны режим, добровольно установленный для себя. Ежедневно после восьмичасовой смены они вновь заступали на свою вахту, отказавшись от выходных, отпусков. И все это, подчеркиваю, не в ущерб основной работе. Парфенов недавно стал членом партии. Перешел на пятый курс вечернего отделения механического института.

В художественном беспорядке сарая случайно, с размаху я уселся на нечто хрупкое, эфемерное на вид, оказавшееся крышкой верхнего смотрового люка. И мгновенно испуганно вскочил: не нанести бы невзначай ущерба.

Геннадий улыбнулся:

— Можете даже специально попытаться разломать ее через колено, ничего не получится.

— Из чего сделана?

— Как и весь корпус, из стеклопластика.

Невольно вспоминаются эффектные кадры из последней посвященной автосамоделкам передачи «Это вы можете»: человек двадцать, а то и больше забираются на капот, крышу автомобиля, приплясывают, проверяя его на прочность. Представляю, как выглядели бы «Жигули» после подобного экзамена. А стеклопластику хоть бы что. К тому же он абсолютно равнодушен к сырости.

Корпус ленинградской машины строением похож на слоеный пирог: стеклоткань, пропитанная эпоксидкой, пенопласт, снова стеклоткань. После полимеризации поверхность ошкуривается, шпаклюется, красится несколько раз, до получения зеркального блеска.

Блеска, попотев, добиться, в общем, несложно. Несравнимо труднее достичь изящества, эстетического созвучия всех компонентов автомобиля. Ради этого Парфенов и Хаинов построили некое подобие аэродинамической трубы. Исходя из компоновочной схемы, слепили из пластика задуманную машину в одну пятую натуральной величины и стали продувать, совершенствовать ее, ориентируясь на параметры одной из моделей «ситроена». Наверное, специалисты снова недоуменно покрутят головами: какая, мол, к бесу, аэродинамика в допотопных условиях. Как бы то ни было, результат налицо, машина не только красива, но и управлять ею, по мнению члена президиума Федерации автоспорта и туризма при ЦС ВДОАМ И. Туревского, «одно удовольствие».

Честно говоря, как «одно удовольствие» воспринимаешь в пересказе ребят весь многотрудный, многомесячный процесс постройки. Вроде и не им пришлось мерзнуть, недосыпать, мыкаться с деталями. Просто сварили раму из водопроводных труб, купили в комиссионке двигатель и... полным ходом из абсолютной безвестности к всеобщему признанию.

Талантливых ребят вовремя заметили, их принял министр автопрома СССР В. Н. Поляков, он предложил работу в Центральном научно-исследовательском автомобильном и автомоторном институте. Решением министерства на заводе «Автоарматура» объединения «Ленкар» им предоставлена хорошо оснащенная мастерская — будущая лаборатория перспективного макетирования легковых автомобилей. Сейчас ребята на машинах отправляются в Болгарию на международную выставку научно-технического творчества молодежи.

Одним словом, за труды им воздано сторицей, и скорость в свои 25—26 лет они набрали хорошую. Но жизнь есть жизнь, будут впереди и крутые повороты, и ухабы. Искренне хочется пожелать им удачи на долгом пути, новых творческих успехов.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЧИЧКОВ

Советская литература и искусство понесли тяжелую утрату. После продолжительной болезни на 61-м году жизни скончался известный писатель, главный редактор литературно-художественного альманаха «Современная драматургия», член КПСС Василий Михайлович Чичков.

В. М. Чичков родился 11 июля 1925 года в городе Москве. В годы Великой Отечественной войны находился в действующей армии. С 1952 г. после окончания Московского государственного института международных отношений работал литературным сотрудником, специальным корреспондентом газеты «Правда» в странах Латинской Америки, заместителем главного редактора журнала «Вокруг света», а с 1981 года — главным редактором литературно-художественного альманаха «Современная драматургия».

Писатель-коммунист В. М. Чичков последовательно отстаивал в своем творчестве принципы социалистического реализма, партийности и народности искусства. В театрах нашей страны и за рубежом с успехом идут его пьесы.

Возглавляя альманах «Современная драматургия», В. М. Чичков уделял большое внимание делу создания репертуара для многонационального советского театра.

В. М. Чичков вел плодотворную общественную работу — избирался членом ревизионной комиссии Союза писателей СССР, секретарем правления Московской писательской организации, заместителем председателя совета по драматургии Союза писателей РСФСР.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили боевые и трудовые заслуги В. М. Чичкова. Он награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны первой степени, Дружбы народов, медалями.

Василий Михайлович Чичков весь свой талант отдал служению народу, Коммунистической партии, социалистическому искусству.

В. В. Гришин, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, А. Н. Яковлев, В. Ф. Шауро, С. Г. Лапин, Б. Н. Пастухов, Г. М. Марков, Ю. Я. Барабаш, Г. А. Боровик, Ю. Н. Верченко, О. Н. Ефремов, Е. В. Зайцев, Ю. С. Мелентьев, Н. И. Мирошниченко, С. В. Михалков, М. В. Пашков, А. М. Роганов, А. Д. Салынский, Е. Р. Симонов, А. В. Софронов, З. П. Туманова, М. И. Царев, А. П. Штейн.

ЮМОРЕСКА

ТОЛЬКО РАЗ В ГОДУ...

Магомед Гумбатович Гамбаров с семьей сидел на кухне. На пластиковом столе возвышался большой электрический самовар.

— Тяжело нам без него будет,— вздохнула жена.— Смотри, Магомед, не урони по дороге.

— Не беспокойся,— сказал Магомед Гумбатович и, подхватив самовар за ручки, вышел из квартиры.

В автобусе он встретился с Ахмедовым из планового отдела. Тот прижимал к животу кинокамеру и микроскоп. Лицо у Ахмедова было печальное.

И чем ближе к работе, тем чаще попадались Гамбарову сослуживцы, которые несли проекторы, печки, настольные лампы, вентиляторы, градусники, а старший научный сотрудник Корпенко волок на себе целый письменный стол.

Лабораторию невозможно было узнать. На столах, стульях, подоконниках и прямо на полу лежали красивые, нужные каждому в работе вещи. Магомед Гумбатович поставил самовар и отошел к окну.

— Ну, как будто все явились? — спросил завхоз Панахов.

— Все! Все! — дружно отозвался коллектив.

— Тогда,— Панахов раскрыл канцелярскую книгу,— начнем инвентаризацию.

П. ДАВЫДОВ,
Баку

в мире мудрых мыслей

О ВРЕДЕ ПЬЯНСТВА

Пьянство — мать всех пороков. (Абуль-Фарадж)

Опьянение есть добровольное сумасшествие. (Аристотель)

Малейшие дозы спиртных напитков уничтожают возможность возникновения счастливых мыслей, убивают их в зачатке. (Гельмгольц)

Употребление спиртных напитков скотинит и зверит человека. (Достоевский)

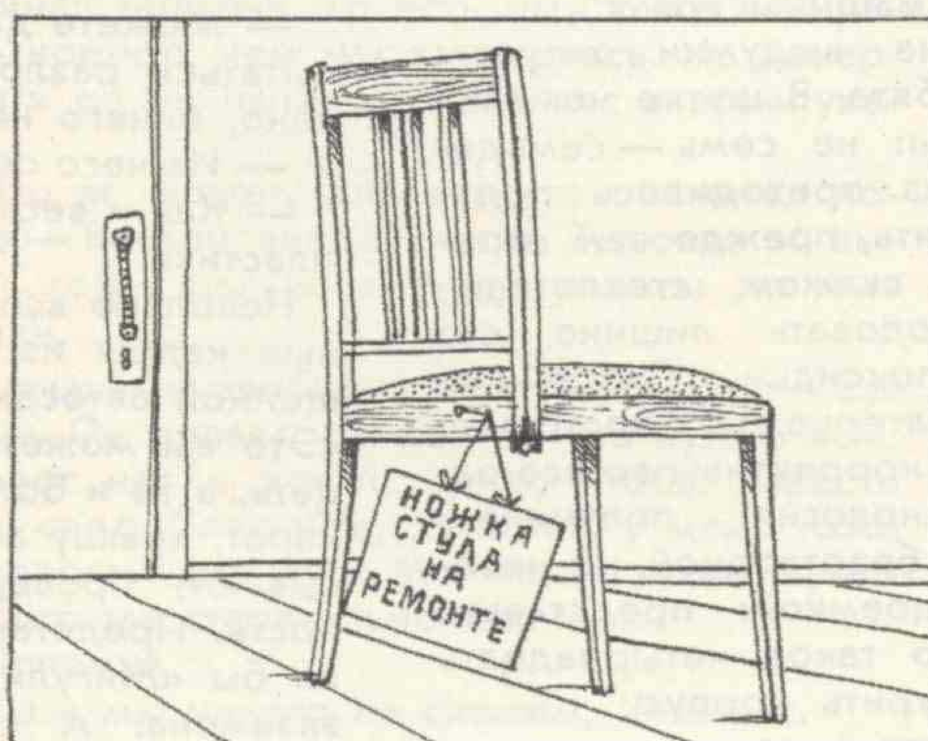
Много вина — мало ума. (Менандр)

Юмор

Приспособился.

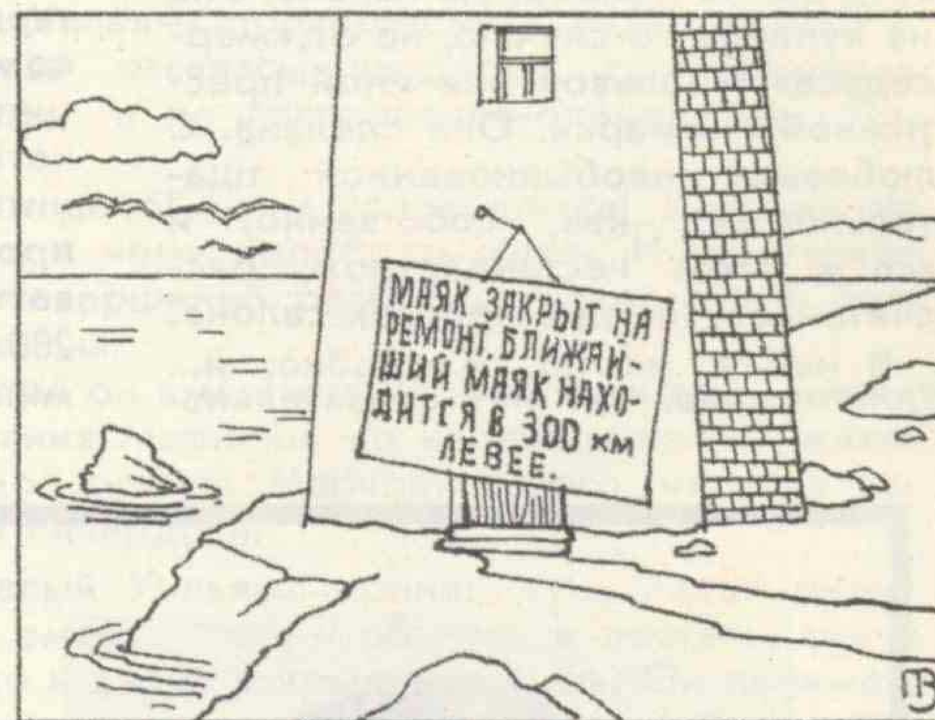
Рисунок В. ТАМАЕВА

Рисунки В. ПЕСКОВА

в конце номера

ДАРЫ СОЛНЦА

Оригинальный проект солнечной душевой разработали сотрудники Киевского зонального научно-исследовательского института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий. Первый образец новой гелиодушевой изготовили сотрудники «Херсонпромстроя». Не так давно он экспонировался на ВДНХ УССР.

Гелиодушевая, вода в которой нагревается от солнца, может обслужить тридцать человек за смену. Она имеет солнечные нагреватели, кабины, умывальники, раздевалки. Каждая такая установка, которые, очевидно, будут незаменимы на сельских станах и строительных площадках, позволяет сэкономить несколько тонн условного топлива.

А в Алма-Ате, в городской больнице № 1, лечение солнцем врачи стали прописывать больным, страдающим заболеваниями бронхо-легочной системы. На крыше здания больницы установлена оригинальная гелиоустановка, которая одновременно может обслуживать 40 пациентов. Эффект такого лечения превзошел все ожидания. Сейчас по всей республике создаются гелиолечебницы летнего типа.

СЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ

На псковской земле хорошо знают имя писателя, лауреата Государственной премии РСФСР Ивана Афанасьевича Васильева, который живет в селе Борки. По инициативе писателя недалеко от его дома открылся литературный музей «Писатели на войне».

Много лет собирал Иван Афанасьевич самые различные материалы, фотографии, книги, связанные с событиями минувшей войны. Устраивал стенды и выставки, которые показывал односельчанам у себя дома. А когда коллекция расширилась, сельсовет принял решение о создании музея. Здесь большая коллекция книг с автографами писателей-фронтовиков.

«В литературный музей села Борки с самыми добрыми пожеланиями хранить память...» — написал на одной из своих книг Юрий Бондарев. Бережно хранятся книги с автографами Б. Полевого, Е. Носова, С. Гейченко, которому в музее посвящен специальный стенд.

А недалеко от литературного музея, на холме, сооружена скульптура скорбящей матери над братской могилой солдат, погибших в боях за село. Скоро здесь будет восстановлена партизанская землянка...

Среди других прегрешений пьянство представляется мне пороком особенно грубым и низменным.

(Монтень)

Пьянство есть упражнение в безумии.

(Пифагор)

Никакое тело не может быть столь крепким, чтобы вино не могло повредить его.

(Плутарх)

Пьянство унижает человека, отнимает у него разум, по крайней мере на время, и в конце концов превращает его в животное.

(Руссо)

Можно сказать, что сколько мужья выпили водки, столько их жены и дети пролили слез.

(Семашко)

Опьянение не производит пороки, но обнаруживает их.

(Сенека)

Опьянение есть истинное безумие, оно лишает нас наших способностей.

(Солон)

Человек, переставший пить и курить, приобретает ту умственную ясность и спокойствие взгляда, которые с новой стороны освещают для него все явления жизни.

(Л. Толстой).

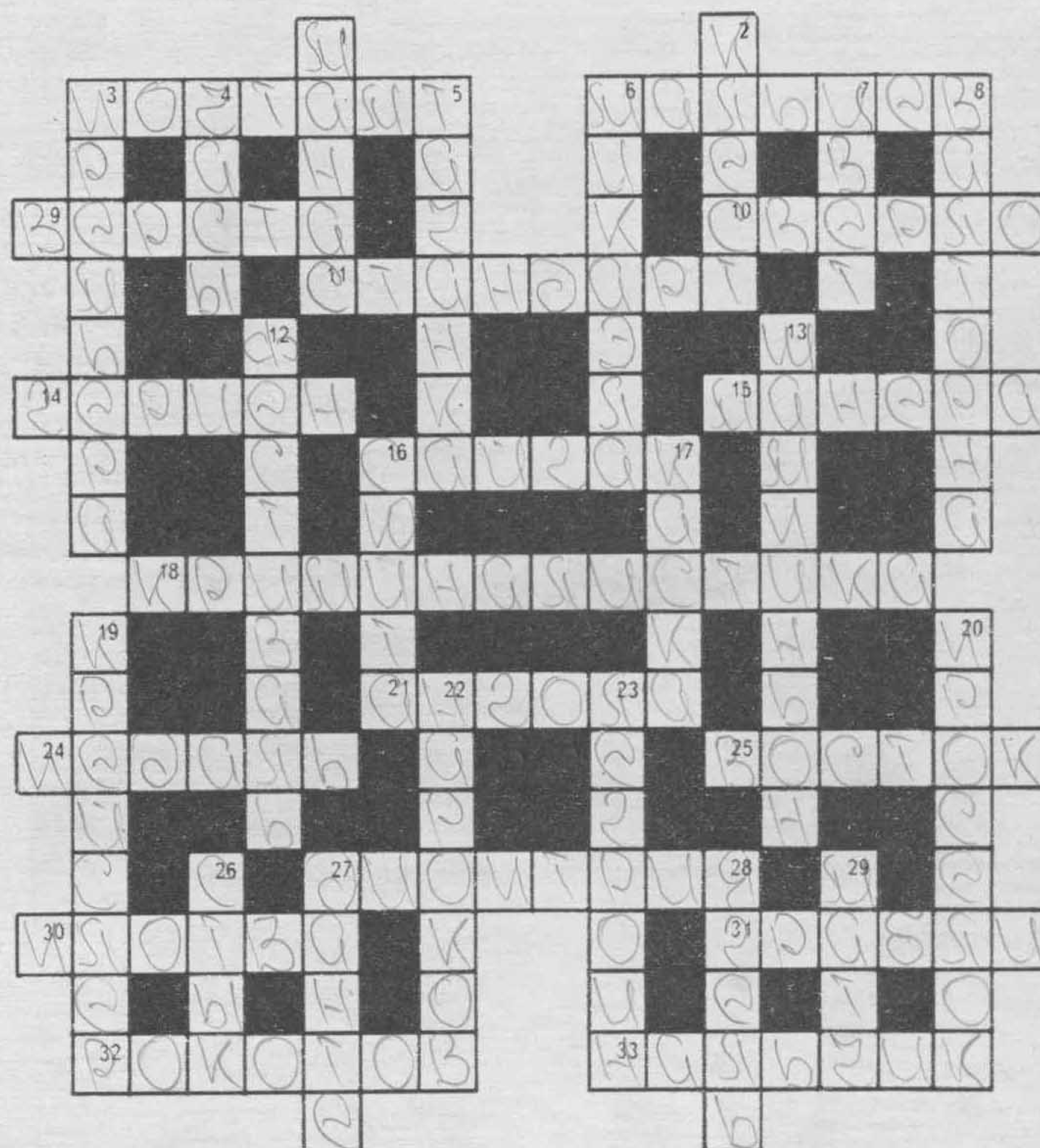
Собрал Н. ДНЕПРОВ.

Перелетные птицы.

Рисунок О. ПОМОЧИЛИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Городское предприятие связи. 6. Известный полевод, дважды Герой Социалистического Труда. 9. Русская мера длины. 10. Режущий инструмент. 11. Образец, эталон. 14. Русский революционный демократ, писатель, философ. 15. Особенность поведения. 16. Степная антилопа. 18. Юридическая наука. 21. Государство на западе Африки. 24. Ножной рычаг. 25. Серия советских космических кораблей. 27. Единица измерения оптической силы линзы. 30. Пресноводная рыба семейства карповых. 31. Сельскохозяйственное орудие. 32. Русский живописец XVIII—XIX веков. 33. Столица АССР.

По вертикали: 1. Эпос киргизского народа. 2. Птица, обитающая в хвойных лесах. 3. Первый показ спектакля. 4. Прибор для измерения времени. 5. Картина М. Б. Грекова. 6. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 7. Световой тон, окраска. 8. Духовой музыкальный инструмент. 12. Смотр достижений разного вида искусств. 13. Съедобный гриб. 16. Инструментальное музыкальное произведение. 17. Защитный головной убор. 19. Австрийский композитор, скрипач. 20. Картина А. К. Саврасова. 22. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 23. Горючее для тракторов. 26. Место соединения рельсов. 27. Автор поэмы «Божественная комедия». 28. Лишайник, олений мох. 29. Спортивное состязание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали: 4. Стереотип. 6. «Буревестник». 9. Молодогвардейск. 12. Листрат. 16. Стыковка. 17. Охлопков. 19. Чечевица. 20. Оратория. 21. Новиков. 25. Экспериментатор. 28. Диссертация. 29. Алексеева.

По вертикали: 1. Железо. 2. Пересвет. 3. Статор. 4. Смуров. 5. Пример. 7. Космонавтика. 8. Островитянов. 10. Крыжачок. 11. Декатрон. 12. Лантан. 13. Стасов. 14. Рудник. 15. Торцов. 16. Спич. 18. «Ваня». 22. Изморось. 23. Оптика. 24. Кабина. 26. Рассел. 27. Ниамей.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мечтатель.

Фото Н. Свиридовой, Д. Воздвиженского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В окрестностях города Вятские Поляны Кировской области * На городской площади — молодые представители рабочей династии Матвеевых. (См. в номере материал «Люди малого города».)

Фото Н. Бумагиной

Рубрику ведет А. КУРЕПОВ

УРОКИ ТЕАТРА

Уже четыре года в средней школе № 2 подмосковного Калининграда существует факультатив истории русского дореволюционного и советского театра. Стали доброй традицией встречи школьников с ведущими мастерами театрального искусства Москвы и Ленинграда.

Программа занятий факультатива непосредственно переклинается с основной учебной программой. Когда старшеклассники знакомились с «Мертвыми душами», здесь, на школьной сцене, народная артистка СССР А. П. Зуева, заслуженный артист РСФСР Л. Харитонов и артистка И. Ефремова показали сцены из спектакля Московского Художественного театра; когда ребята изучали роман Н. Островского «Как закалялась сталь», в школу пригласили актера Ленинградского академического театра драмы имени Пушкина, заслуженного артиста РСФСР Алексея Локтева, удостоенного за создание образа Павки Корчагина Государственной премии СССР. О сценической истории «Горя от ума» рассказал школьникам актер Малого театра, народный артист СССР В. И. Хохряков. Он же прочитал монологи Фамусова. Изучая творчество Шекспира, старшеклассники пригласили в гости народного артиста СССР Е. В. Самойлова. Он прочитал отрывки из «Гамлета»...

Шефство над работой факультатива взял на себя народный артист СССР В. С. Якут. Он несколько раз выступал в школе. Запись одной такой встречи была показана по Центральному телевидению...

Факультатив любителей театра продолжает свою работу.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 21.10.85. Подписано к печати 9.11.85. А 00419. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2697. Заказ № 1578.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Атомный ледокол «Россия» у достроечной стенки завода перед началом ходовых испытаний.

НА ГОД РАНЬШЕ СРОКА

НОВШЕСТВА АТОМОХОДА

СПАСИБО КОРАБЕЛАМ

ВЫШЛА В

Фото С. СМОЛЬСКОГО (ТАСС) и М. ШАРАПОВА («Ленинградская правда»).

Немало неприятностей доставляют ленинградцам наводнения. Но вот последнее, 265-е по счету, поднявшее уровень воды в Неве на 2 метра 15 сантиметров выше ординара, невольно сослужило и добрую службу. Точнее, слепую силу стихии разумно и смело использовали корабелы Балтийского завода, сумевшие в эти тревожные часы отправить новый атомный ледокол «Россия» в первый рейс: от достроечной стенки до Лесной гавани Ленинградского торгового порта.

Собственно, рейсом этот краткий и по времени, и по расстоянию переход назвать нельзя. Но важность его была чрезвычайно велика: накануне выхода в море на ходовые испытания богатырский, рассчитанный на океанские просторы корабль попал в плен к реке, глубина которой из-за намытых течением отмелей оказалась недостаточной для того, чтобы атомоход мог благополучно выбраться в Финский залив.

— Нужен хотя бы еще метр,— доложили водолазы, обследовавшие речное дно, и это заключение грозило надолго задержать отход, для осуществления которого потребовалось бы использовать понтоны, другие приспособления.

И тут прозвучал сигнал тревоги: мощный циклон, зародившийся в Северной Атлантике, стремительно приближался к городу, и вскоре Нева начала набухать буквально на глазах. Решение двух Героев Социалистического Труда — директора завода В. Н. Шершнева и капитана «России» А. А. Ламехова — было единодушным: случай упускать нельзя!

И закипела работа. Всего одна ненастная ночь была в распоряжении судостроителей, экипажа и тысячи неотложных дел, необходимых для того, чтобы срочно подготовить к встрече со штормовой волной такое огромное, сложное хозяйство, насчитывающее свыше 1400 (!) помещений.

Они успели. В десять часов утра прозвучала долгожданная команда «Отдать швартовы!», и направляемая могучими буксирами «Россия» одолела первые, пока еще речные метры, ведущие к большой океанской дороге.

Сегодня за кормой уже десятки самостоятельно пройденных миль. Так здесь встретили праздник Великого Октября. В январе атомоход будет испытывать Арктика. А сейчас последнюю проверку проходят все узлы и механизмы третьего по счету балтийского ледокола с атомным «сердцем» мощностью 75 тысяч лошадиных сил.

Внешне корабль почти неотличим от своих старших собратьев. Но вот вспоминаю «Сибирь», на которой осенью 1977 года довелось выходить в море, и вижу, как много качественных изменений на борту нынешнего арктического богатыря. Совершеннее, надежнее стали все механизмы, приборы, исполненные с учетом последних достижений науки, техники, особое внимание уделено улучшению ходовых качеств. Сюрпризов от Арктики, Антарктики можно ожидать каких угодно, в чем лишний раз убедила недавняя эпопея «Михаила Сомова», 133 дня дрейфовавшего в Южном океане. Немало волнений доставило его экипажу так называемое облипание, когда корпус судна буквально намертво заклинивало смерзшейся массой льда и снега. Эта густая «каша» способна остановить, лишить подвижности любое судно, и справиться с ней чрезвычайно трудно. Новый атомоход впервые получил специальную систему пневмообмыва корпуса струями горячего воздуха, что намного облегчит ему путь в самых неблагоприятных метеорологических условиях.

Этой же цели служат навигационные системы нового поколения. Они смогут дать куда более полное представление о ледовой обстановке, подскажут, какой именно маршрут следует избрать, учитывая эту обстановку. Хорошим помощником, проводником станет и вертолет КА-32, имеющий новые приборы для поиска малейших щелей во льдах даже в условиях темноты арктической ночи.

Одним словом, новшеств немало, но в их числе хотелось бы особо выделить установку «Латук», с помощью которой рацион экипажа будет регулярно пополняться укропом, луком, салатом, огуречной травой, редиской, петрушкой, сельдереем. Тому, кто бывал, а тем более жил на Севере, не надо объяснять, сколь многое значит и как высоко ценится свежая зелень в царстве холода и снега.

В общем, экипаж доволен кораблем: и наисовременнейшей, надежной техникой, и прекрасным бассейном с парилкой, и спортивным залом, «плавающими», гасящими вибрацию каютами. Благодарны полярники конструкторам, позаботившимся о комфорте людей, вынужденных большую часть года проводить в экстремальных условиях; высоко отзываются о мастерстве судосборщиков В. В. Орлова, А. П. Потапова, слесаря-монтажника В. С. Кирьянова, В. М. Ладоненко и других балтийцев, освоивших, можно сказать, серийное производство лучших в мире ледоколов. Сейчас на стапеле уже вырисовываются контуры корпуса нового судна, а Балтика серьезно экзаменует и «Россию», и ее экипаж, и заводских строителей, специалистов, ушедших в море, чтобы в эксплуатационных условиях с рук на руки передать морякам буквально каждый прибор, агрегат.

— С хорошим настроением трудится коллектив, — подчеркивает капитан А. А. Ламехов.— Тон ударной работе задают коммунисты, и это понятно, ведь именно к нам обращены слова проекта новой редакции Программы КПСС: «Составной частью экономической стратегии партии было и остается ускоренное развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока. При освоении новых районов особое экономическое и политическое значение имеет неукоснительное обеспечение комплексного решения производственных задач и развития всей социальной инфраструктуры в интересах улучшения условий труда и жизни людей».

В решении этих задач будет участвовать и «Россия» — новобранец атомного флота Арктики, на плечах которого большая часть грузов, доставляемых и вывозимых с огромных просторов, вдоль которых проходит самый сложный на планете Северный морской путь.

Надо ли говорить, как ждут ледокол полярные мореходы. Ведь каждый день его работы — это многие тысячи рублей, сбереженных для народного хозяйства, неоценимая помощь в труднейшей работе на благо людей, осваивающих необжитые, негостеприимные районы Крайнего Севера.

Ленинградские корабелы хорошо понимают значение нового атомохода. Эпизод с наводнением — лишь один пример того, как умело, самоотверженно использовали они буквально каждую возможность опередить напряженный график строительства, выиграть часы и сутки, чтобы досрочно справиться с обязательствами, принятыми в честь XXVII съезда КПСС.

О. ТИМОФЕЕВ

Богатырь на пути в открытое море.

МОРЕ «РОССИЯ»

Высокий класс работы показала на строительстве атомохода «Россия» бригада, возглавляемая коммунистом О. Кузьминым. *На снимке:* слесари-монтажники В. Борисенко, Н. Белюсев, В. Малин, А. Плетнев, бригадир О. Кузьмин и Н. Берников.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

